

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВ

Здравствуйте,

«СКОРУЮ» ВЫЗЫВАЛИ?

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Дмитрий Федоров
Здравствуйте, «скорую»
вызывали? Записки врача
Серия «Врачебные повести»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487148

*Здравствуйте, «скорую» вызывали? Записки врача: Якуза-Каталог; М.;
2020*

ISBN 978-5-00155-229-1

Аннотация

Их боготворят, их проклинают, но продолжают звонить, и просить, и требовать помощи. Сейчас они – предмет яростных споров и осуждения, одобрения и восхищения. Но важно помнить, что за формой кроется такой же человек. О будничности трагедии и комизме ее принятия – о врачах и о людях, и о людях-врачах.

Содержание

От автора	5
1	7
2	33
3	49
4	57
5	74
6	86
7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дмитрий Федоров

Здравствуйте, «скорую» вызывали? Записки врача

© Федоров Д., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Яуза-каталог», оформление, 2020

От автора

«Здравствуйте, доктора вызывали?» Знакомая фраза? Сколько раз вам приходилось ее слышать от незнакомого человека, позвонившего в вашу дверь? Белый халат, серебристый неудобный сундучок, портфель или сумка и зародыш надежды на быструю помощь, облегчение, спасение от боли и страха...

Вы наверняка сталкивались со скорой в своей жизни. Не обязательно в качестве пациента. Небольшие автомобили с броской окраской и яростными синими мигалками попадают вам на глаза, наверное, каждый день. Там, внутри, другая жизнь.

Работа на скорой меняет человека. Я это понял и почувствовал спустя многие годы. Когда навыки, полученные там, оказались правильными. Когда реагирование на экстремальные ситуации спасло неоднократно жизнь и здоровье и мне и случайным людям. Когда пришло осознание, что «ты кому-то действительно нужен». Жизнь меняет декорации, но основным остается желание и способность чувствовать чужую боль и помогать ее устранять.

Сложно представлять на публику то, что было куском собственной жизни. Не придумано, не списано, не приукрашено. Каждый эпизод этой книги имеет под собой реальную основу.

Я пишу о сотрудниках скорой и о ее пациентах с улыбкой, состраданием и пониманием. Перешагивая через обиды, грязь и боль. Из всех сил стараюсь сохранить в себе «человечье». Я пишу о событиях и чувствах, которые вряд ли кто-то из «скоропомощников» расскажет постороннему человеку. И это понятно. У каждого своя боль.

Я не призываю всех их любить, нет. Но примерить хоть на мгновение на души ваши белые халаты, я попробую...

1

Мне довелось провести четыре года в разъезде Центральной станции скорой помощи одного крупного сибирского города. Я учился в мединституте, и решение пойти работать на «скоряк» было и логичным, и желанным. Кое-какие навыки уже были, знания свирепо внедрялись преподавателями в изворотливые студенческие мозги, хотелось практики и чувства, что все что учишь – не напрасная потеря времени. Да и финансовый вопрос был не последним. Для Станции студенты были серьезным источником рабочей силы, среднего медицинского персонала. Мало кто другой соглашался на эту работу. «Отпахать смену» – значение этих слов я понял уже после первого дежурства.

Администрация мединститута не приветствовала работу студентов на скорой». Несмотря на широкое поле для применения получаемых знаний на практике и выработку необходимых «автоматизмов» в неотложных ситуациях, работа брала свое. Многие не выдерживали физических и психических нагрузок и заболевали. Учеба в меде и так, сама по себе, не мешок изюма. Хочешь удержаться до диплома – грызи... Сдать зачет или экзамен на халяву – несбыточное желание и фантастическая сага всех студентов-медиков.

– Доктора Свиридова, Романов, Кравцов, на вызов! Бригада Пастухова – в машину! Доктор Семенова, зайдите к операторам. Доктора, не забываем сдавать карточки вызовов!

Динамики диспетчерской стояли на Станции всюду, в каждой комнате. Я поражался, как у диспетчеров хватало сил до конца смены не придать голосу сварливость и раздражение, как они могли сопровождать некоторые «тяжелые» вызовы участливым, понимающим взглядом. Там, в «аквариуме» диспетчерской, случайных людей не было. В диспетчеры назначали людей, прошедших на скорой огни и воды и по разным причинам не способных сейчас «сесть на разъезд». Они знали, что именно стоит за коротким кодом вызова или за адресом. Они уже там были когда-то...

Старший врач смены сидел в диспетчерской как маршал Жуков, «держал оборону» Города. Все заполненные карточки вызовов проходили через его руки, он слышал переговоры диспетчеров с машинами по рации, давал консультации по телефону, «разводил» административные конфликты по телефону, при необходимости подключался к операторам «03» и вмешивался в сложносочиненные ситуации. Рядом постоянно дымилась большая чашка с чаем-кофе. Отдыхал он меньше всех на Станции.

«Медики! Медики!! Медики!!! Медик-66 вызывает на се-

бя близких Медиков. Большая авария, много пострадавших! Угол Дачной и Революции. Кто принял – отзвоните!»

В диспетчерской тихий переполох, срочно меняется очередность вызовов, приоритет массовой аварии очень высок и должен быть обслужен раньше высокой температуры или транспортировки больного из больницы в больницу.

– Одиннадцатый поехал к шестьдесят шестому! Доезд – три минуты. Медик-32, Медик-центральный, заберите у меня вызов, вижу шестьдесят шестого. Медик-17, у шестьдесят шестого через две минуты, мы на Гоголя... Медик-66 – Медику-центральному, предупредите нейрохирургов Первой горбольницы, везем «нехороший череп». Всем спасибо, вроде «кашу» растащили...

* * *

Прошло столько лет, а я подпрыгиваю от звука сирены и провожаю взглядом подвешенную над дорогой синими бликами, размазанную коробочку «скорой». Жадно выхватываю глазами освещенный салон и пытаюсь угадать, что именно сейчас происходит за матовыми окнами...

* * *

Четыре часа утра. Заехали на Станцию поменять шпри-

цы, сдать карточки, пополнить медикаменты. Медленно ползу по лестнице из гаража к диспетчерской. Карманы раздуты укладками шприцов, в руках карточки. Старший врач манит пальцем внутрь «аквариума».

– На Челюскинцев был?

– Был.

– И что там?

– Гипертонический криз. Пятьдесят пять лет. Ничего необычного.

– Полечил?

– Разумеется! Да вот же карточка у вас в руках!

Начинаю злиться. Был. Полечил. Дождался действия лекарств. Давление проконтролировал. Все были довольны. Провожали. Спасибо говорили. Че надо-то?!

– Инъекции делал?

– Да. В вену. Вон расписал что именно...

– Руки мыл?

– ...?! Мыл! (Еще и чистое полотенце попросил. Принесли без звука...) И что?!

– Вот, звонили. Жаловались! Ты, говорят, у них кусок мыла спер. Французского. Говорят, был доктор, руки подозрительно долго и тщательно мыл и вот, обнаружили пропажу...

– ...мать!!!!...!!!!

– Гы-гы-гы! Идите, коллега! Идите! Дышите воздухом и мойтесь мылом! Добро пожаловать в клуб!

Провожаемый хохотом диспетчеров, вылетаю пробкой.

На ум кроме матов ничего не идет. Сажусь на дерматиновый диван в зале ожидания. Руки трясутся. Сна как не бывало. Вот он какой, адреналин. Невкусный.

Старшой вышел покурить. Подозвал меня. С ехидной улыбкой полюбовался моей перекошенной физиономией...

– Злишься?

– А то! Вот суки!

– Хы-хы! Не бери в голову!

– Нет, ну что за гадство?! Надо оно мне, их мыло!

– Не кипятись. Не ты первый! Каждую смену звонят и на кого-нибудь дерьмо льют. Сегодня твоя очередь. Поздравляю!

* * *

Что движет людьми, когда они набирают «03» и говорят, что им плохо, что у них боли в сердце, что они задыхаются. «Ну как же! Вот она, реальная ситуация приложения всех сил и средств скорой», – скажете вы...

Да, наверное, вы правы, но смотрим дальше. Вызов на одиннадцатый этаж, лифт после двенадцати не работает. «Ну и что! Бывает и такое!» Конечно, бывает! Только вот не каждый день в 00.05 на одном и том же адресе! И каждый раз на вызов идет кардиобригада и волочит на одиннадцатый этаж ВСЕ: кофр с лекарствами, реанимационную укладку, кардиограф, дефибриллятор. Потому что ТАК НАДО. И не важ-

но, что в сотый раз ты увидишь знакомую одутловатую физиономию профессиональной инвалидки И., которой кто-то когда-то имел неосторожность поставить диагноз «подозрение на инфаркт миокарда». С тех пор и сношает она скоропомощников наизусть выученными симптомами. После чего с готовностью дает сделать кардиограмму, сравнивает ее с сотней других из ящика под столом, убеждается, что и на этот раз инфаркта не случилось, и привычно ожидает, что ей ткнут в вену реланиум. Всем заранее все ясно, но если не сделаешь «релашку», она через полчаса вызовет снова, а утром начнет звонить и писать жалобы по всем инстанциям. Две бригады из других смен уже на этом погорели. Думаете, она шиза? Как бы не так! И управы на нее нет. И черт бы с ней, но на полтора часа Город остается без одной специализированной кардиологической бригады и реанимобиля в придачу.

* * *

– Медики-16, 22, 55! Кто в Центральном районе освобо-
дился, зайдите на Романова, 4, там нашему доктору плохо.
66К.

Опа, это кто ж сломался-то?!

– Я – Медик-55. Вызов принял. Романова, 4, ситуация
66К.

– Медик-Центральный. Подтверждаю Медику-55-му.

– Дядя Коля, слышал вызов? Поехали. Кто-то из наших на себя вызывает. 66К. Будем поспешать.

Дядя Коля молча кивает и ерзает могучей задницей в кресле. РАФ прыгает вперед. Мигалки включены, штатная квакалка неуверенно просит уступить дорогу. Обязательно найдется урод, который считает, что пропустить «скорую» – это означает уронить свое насекомовидное достоинство ниже плинтуса. На таких есть свое средство: водители «скорой» – особая категория шоферов. О них отдельная история. За бутылку-две огненной воды они неизведанными путями раздобывают сирены-ревуны, которые обычно ставят на речные теплоходы. Теперь представьте: едете вы себе, едете, в заднее зеркало не смотрите, на всех чихать хотели, вдруг из вашего багажника (такое ощущение!) раздается рев теплохода!!! Начиная утробным низкочастотным рычанием, он переходит в политональный звуковой вой такой силы, что любой «глухой», сжавшись за рулем, судорожно удирает в сторону. Радикальное патентованное средство! Дядя Коля хмыкает в бороду и крутит руль, как Покрышкин в воздухе. Говорят, что лучше всех Город знают таксисты. Ничего подобного! Со всей ответственностью заявляю: случись такое соревнование, водители «скорой» его выиграют.

Вот и искомый адрес! У подъезда стоит Медик-41, такой же РАФ, как и наш. Рядом топчется водитель. Увидев нас, светлеет лицом, подхватывает мой сундук и быстро идет в

подъезд, показывая дорогу. На всякий случай беру кардиограф и тороплюсь следом. Второй, третий этаж. Автоматически оцениваю габариты лестничной клетки – что если придется тащить носилки. Мда... Праздника не будет. Хрущеба.

Блин-н-н... На площадке перед квартирой рвет пачку, выжывая сигарету, офицер-десантник. Лицо-негатив, остановившиеся глаза. Я уже такое видел. «Черный почтальон». В прихожей острый запах валерьянки, корвалола и чужой беды...

– ...Вера Сергеевна, голубушка! Вот приехал доктор наш, приехал с Центральной... Вера Сергеевна!..

За столом, уронив руки на раскрытую папку с картами вызова, сидит знакомая докторша. Лицо серое, губ не видно, на подбородке висят тяжелые мутные капли... Глаза прикованы к фотографии с обгорелым краем. Два парня на фоне БТРа, береты аж на затылке, тельники, героический вид...

В этот дом пришла похоронка. Из Афгана. Документы погибшего привез офицер, который и рассказал, что колонну душманы расстреляли из гранатометов и сбросили взрывом фугаса в неприступное ущелье. В остатках БТРа на дороге нашли обгоревшую куртку с документами. От других не нашли и этого. Ущелье стало им братской могилой...

Скорая не способна уменьшить меру человеческого горя, но увидев захлебнувшуюся в крике женщину, десантник-афганец сделал единственное, что мог – позвонил «03». Знако-

мая, в общем-то, история. Приехавшая докторша, как умела, принялась утешать бедную женщину: уколы, капли, вода. Транквилизаторы наконец подействовали, женщина забылась в тяжком полусне, вскрикивая и продолжая плакать. Позвонили на работу мужу, позвали соседку.

Начиная заполнять карту вызова, доктор машинально пододвинула к себе и стала рассматривать привезенные офицером документы. Под потертыми конвертами лежала фотография с обгорелым краем. Ее Вера Сергеевна вынула и присмотрелась... Два парня на фоне БТРа. Лихо заломленные береты, героический вид... Слева незнакомое лицо, справа ее сын. Мгновенно пересохшими губами она спросила-прошелестела, развернув фотографию к сидящему напротив офицеру:

– А... это... кто?..

– Справа старший сержант Александр Казакевич. Ее сын... – он тяжело мотнул головой в сторону спальни, – а слева – старший сержант Морозко. А вы что, его знали?

– Знала... Почему знала?! Он что?! Тоже?!!

Побелевшие пальцы впились в край стола.

Все это мне срывающимся шепотом пересказал вошедший следом за нами офицер.

– Где телефон?

– Вон там, в прихожей на полочке...

Максимально сжато описываю Старшему врачу ситуацию.

– Ясно. Знаешь что. Вези ее на Станцию.

– Может домой?

– Нет, домой нельзя. Там сейчас поднимется вой, крик, плач. Ее доломают. Вези к нам. Положим в бокс. А я позову сейчас Коваленко. Что-нибудь придумаем. (Доктор Коваленко – опытный психиатр, проработавший на скорой кучу времени.) Транки не коли. Довези так. Гемодинамика стабильная?

– Давление снижено, но держится.

– Она в шоке сейчас. Вези, давай. Быстро. Я пошел готовить все.

Из-подъезда Веру Сергеевну вынесли на стуле. Дядя Коля и офицер быстро сообразили, как ухватиться, и почти бегом спустили ее с третьего этажа. Водитель и я шли следом и несли все наше немудреное хозяйство. Что-то приговаривая, дядя Коля поднял на руки и внес Веру Сергеевну в салон машины.

Завыли-закричали сирены обеих скорых, мелкий щебень брызнул из-под колес. 41-й вылетел из переулочка первым, включил всю иллюминацию и перегородил дорогу. Под визг тормозов и возмущенные гудки мы выскочили следом и, рывкнув сиреной, выдавили с крайней левой полосы зазевавшегося водителя. Я присел на корточки рядом с носилками и удерживал всю дорогу безвольное тело...

Нашу машину встречали. За нескольких секунд четверо мужчин выхватили носилки и отнесли Веру Сергеевну в приготовленную комнату. Доктор Коваленко в этот день не де-

журил, но уже через считанные минуты, после нашего приезда, во двор влетела посланная за ним дежурная «Волга».

* * *

Скорая... Я рассказываю о ней, а у самого внутри начинает бушевать ураган эмоций. Нельзя там быть равнодушным, это неестественно. Иначе просто невозможно... Невозможно забежать на высокий этаж с полными руками, невозможно забыть, что сегодня еще ничего не ел, невозможно одним словом успокоить истерику семьи, невозможно попасть в ускользающую вену умирающего человека...

Через какое-то время работы появляется специфическое чутье на беду. Это когда едешь на относительно безобидный по форме вызов, смущенный мужской голос по «03»: «...Я это... желудок чего-то болит... тошнит, в грудь отдает, и голова сильно кружится... плоховато чего-то... я бы... это... доктора бы, а? Чето я до поликлиники... это... не дойду... похоже... Уж извините...» А в голове уже начинает складываться диагностическая мозаика. «Взрослый мужик в похмелье скорую не вызовет... больной живот скорее крепким чаем полечит... про рвоту вообще не расскажет... уж если доктора зовет... плохо там... Боли в эпигастрии, внезапная рвота, слабость, отдает за грудину... Не инфаркт ли там? «Задний»?»... И уже тревога передается водителю и бригаде. Бежим, перепрыгивая ступеньки, и вот он, «кли-

ент» лет пятидесяти, сидит на постели, лицо серое, потное. Рядом перепуганная жена, приподнимается к нам на встречу, пытается что-то объяснить... Мужик начинает судорожно зевать... «Т-т-твою мать!!! Сейчас врежет!!!» Хватаем его кто за что, сдергиваем на пол. Вокруг шум и безумная суета, но каждый делает свое и делает это максимально быстро и точно. Уже развернут дефибриллятор, уже зацепили кардиограф, интубационную трубку и катетер под ключицу загнали одновременно. «Руки-ноги БРЫСЬ!!!» Отскакиваем от тела. Разряд!!! Сестра висит над грудной клеткой, в руке шприц с длинной иглой. Ловит взгляд доктора. Секундная пауза... Гипнотизируем ленту кардиографа. Прямая! «Давай! Нежненько!!!» Зависаю над мужиком. Аккуратно начинаю непрямой массаж. Три-четыре-пять... На ЭКГ каша. «Дышим» мешком... еще... три-четыре-пять... Заводись, гад! Не видишь, стараемся!!! Посторонний шум в углу... Обвисая, ползет по стене спиной жена, закатывая глаза и начиная утробно выть... Медсестра поднимается с колен, два шага, подхватывает не успевшую рухнуть тетку... Тр-р-ресь!!! Звонкая оплеуха мгновенно затыкает истерику.

– Тетка!!! Смотри на меня! Смотри сюда, говорю!!! Вот! Тебе! Капельница! Держи вверху!!! Помогай!!! Вот тебе ватка, поплохеет – нюхай! Поняла?!! Смотри мне в глаза!!! Поняла?!! Молодец!!! Так и стой...

Слава богу! На пленке проскочил комплекс... Еще один, еще... Фу-у-у, «затикало»...

– Дима, давление!

– Шестьдесят. Низов пока нет.

– Следи, сейчас может быть «свечка».

– Уи, мон женераль.

– Света, в капельницу комплекс, промедол, в жопу лидо-
каин.

– Как я до его жопы доберусь-то, навалились все...

Огрызаемся, значит, самое плохое уже перевалили.

Мужик начинает шевелить руками, пытается приподнять
голову... Вот бабай!!! Трубка ж...

– Дима?!

– Сто на шестьдесят, растет, пульс девяносто, дышит сам.

– Ладно, интубацию убираем.

На ленте – уродливый горб инфарктного комплекса. До-
стаем связку присосок и начинаем уже по всем правилам
снимать многоканальную ЭКГ.

Вот он, убийца. Правильно оценили. Задний – самый го-
венный для неотложки. Маскируется под боли в желудке, а
потом – хрыннь! Но этого вроде вовремя прихватили. Пло-
щадь поражения не растет, давление держит, болевой син-
дром задавили наркотиками. Вон дядька уже балдеет...

Жена тоже молодца! Стоит, как кремлевский солдат у
мавзолея, с капельницей в руке.

– Тетенька, вы присядьте вот на стульчик. Можно-можно!
Бутылку эту к спинке кровати приладим. Вы как? Все в по-
рядке? Муж? С ним все будет хорошо. Сейчас еще немнож-

ко полечим и в больничку поедем. Ага, в больничку! Ну инфаркт же не насморк. Что было?! Э-э-э... ну как бы это... он у вас того... помер ненадолго, но мы его слезно попросили вернуться. Ну-у-у... плакать-то зачем? Все уже позади... Да, пожалуйста-пожалуйста... давайте, идите соберите ему бельишко, зубную щетку и еще чего... Тапочки? Нет, тапочки пока не стоит, а то по девчонкам побежит. Ну вот и молодец, вот уже и улыбаешься.

— Медик-центральный, Медик-16 просит госпитализацию. Инфаркт, мужчина, Железнодорожный район. Вас поняли. Нет, все нормально, стабильный. Потихоньку доведем».

* * *

Эпидемия гриппа началась. На улице –30, метель, на мне свитер, халат и аляска поверх, на ногах унты. Задача в «рафик» влезть, задача из него вылезти. В четыре часа, после института, заступаю в смену. На все, что ездит, усаживают максимум народа. В разъезд идут операторы «03», бригады дробят, фельдшеров сажают на самостоятельный разъезд. Студенты старше 4-го курса тоже ездят самостоятельно. Естественно, диспетчера фильтруют вызова и не дадут какую-нибудь «жуть» студенту, но это только теоретически. Нарваться может кто угодно и на что угодно. На «03» звонят и говорят: «...упал, расшибся...», забывая сказать, что упал-

то с четвертого этажа. «Болит живот...» — как не болеть, если в нем кухонный нож по рукоятку. «Голова болит...» Едет девочка-фельдшер, а там шизофреник в «активной галлюцинаторной фазе», с топором гоняется за семейкой. Ясен перец, что у него голова «болит». Только вот каким «здоровым» местом думал звонивший на «03»?

* * *

У каждого подошедшего к диспетчерской лезут глаза на лоб: бумажки с вызовами завалили весь стол, еще только 4 часа, а вызовы на высокую температуру идут с 3—4 часовой задержкой. Начинается карусель.

— Здравствуйте, доктора вызывали? Что случилось? Ясно. Где помыть руки? Термометр ставим. Давайте посмотрим, послушаем, горло покажите... угу... как температуру переносите? Чем еще болеете? Аллергия на лекарства есть? Сейчас укольчик сделаем, температура упадет, но сделайте еще то, то и то... Завтра вызывайте врача поликлиники... Грипп... Да, надо полежать, проветривайте чаще квартиру, еще в семье больные есть? Пока нет? Всем домашним ударными дозами лопать лук-чеснок, много пить чаю с лимоном, избегать скопления людей. Все понятно? Все. Будьте здоровы. До свидания.

Вышел из квартиры, достал из кармана баночку с притертой крышкой, в ней раздавленный лук. Втянул носом. Ого,

шибануло!!! Так. Полечился. Ползем дальше. Через 5–6 часов такой беготни ловишь себя на том, что опережаешь ответы пациентов заученной скороговоркой «...лежать... врача завтра... лук-чеснок... дышите – не дышите... горло... укольчик...» В голове крутится одно: «Не пропустить менингит или пневмонию!»

Начинается канитель с выключением лифтов после ноля часов. Вы пробовали забраться на десятый этаж в зимней одежде, пешком и с «чумаданом»?! А десять-двенадцать раз за ночь, когда нормальный человек должен спать? А если тебе еще на каждом вызове добавляют «бодрости» шипением сквозь зубы: «Мы вас вызывали шесть часов назад!!! Подохнуть сто раз можно, пока вас дожدهшься, скорая называется, труповозы!!! У человека температура под сорок, ему хреново, а вы где-то там катаетесь...» Сначала терпишь, потом огрызаешься, потом наступает безразличие, все уже фиолетово. Под утро одному особо яростному защитнику собственных прав, ветерану войны, труда, Куликовской битвы и победителю в соцсоревновании в трех пятилетках вынимаю градусник, фиксирую в карте вызова 38,2 и демонстративно засовываю градусник себе под мышку. Дед обалдело наблюдает за моими манипуляциями и не знает, что сказать... Достая градусник и сую ему под нос – у меня 39,1...

– А... а как же вы ездите?! Вы же сами тово, больной? Как же так?!

– Когда я пришел на работу, я был еще здоров... но вы у

меня сегодня двадцать первый вызов. И все с гриппом, который сам по себе злой и заразный. А я – не деревянный... Вы вот чихнули вроде мимо, но свое я и от вас уже получил. Так что давайте не будем мерить, кому хреноее, ладно?

– ...!

– Ладно. До свидания. Будьте здоровы...

– Сынок... Ты тово... не держи зла! Дурак я старый... Свое оно всегда большее... Ты прости, ладно?

– Проехали, дед. Выздоровливай.

Ползу вниз, перед глазами красная пелена, ступеньки весело шатаются, а стенки нороят стукнуть по голове... Вся спина мокрая, хоть выжимай... Постоял минутку перед подъездом. Фу-у-у, вроде полегче, но ветер кидает в лицо примороженный снег, льдинки больно секут кожу... Неловко влез в кабину. Водила присматривается ко мне. Ну да, видок, наверное, еще тот...

– Отзваниваемся? Шприцы-карточки?

– Угу...

– Медик-42, Медику-центральному. Шприцы-карточки.

– Меняем, Медик-42. 06.45

Плохо соображаю. Метель кружит, дворники сражаются за минимальную видимость. Включили поисковый прожектор, чтобы хоть чуть больше разглядеть. Дороги замело, светофоры работают в режиме «мигалки». Потихоньку крадемся на Станцию...

Сбросил карточки, взял следующий вызов.

– Дима, постойте! Доктор Федоров!

«О! Это ж меня зовут! Кто?.. – Стараюсь сфокусировать зрение на лице подошедшего. – Блин! Старший врач...»

– Та-а-ак. Понятно. Температура какая? Давно? Ясно... Сядь здесь. Сейчас сделаем литическую смесь, и водитель отвезет тебя домой. Да ладно, не бухти. Я сегодня уже восемь человек отправил. Сколько вызовов сделал? Двадцать один? Не мудрено было нахвататься. Отлежись только по-честному. Нехороший грипп идет, с осложнениями. Ну давай, выздоравливай...

* * *

Работал в нашей смене один студент по фамилии Эпштейн. Грамотный парень, довольно ловкий и не ленивый. Энтузиазма в нем было море, равно как и любопытства. Совался везде и повсюду. Наконец нашел для себя гавань. Взрослые «шоки». Это была бригада реаниматологов. Веселая такая команда. Он у них и прижился помощником врача. Командиром была доктор Семенова. Пожилая женщина, уже перед пенсией. Но! Из таких людей делать бы гвозди! Железная леди. Комиссар. Характер, хм-м-м, непререкаемый. В том смысле, что пререкаться с ней было дороже своему организму – пострадавших будет всегда двое. Ты и... еще раз ты. Блистательный профессионал и просто хороший че-

ловек. Несколько деталей к ее портрету: она всегда носила туго затянутый узелок волос, всегда была в брюках, курила «Беломорканал», имела хриловатый голос и лицо, густо покрытое морщинами. При этом ростом она была по плечо всей своей команде, которая с искренней любовью и уважением ей безоговорочно подчинялась. Еще одна деталь – терпеть не могла пьяных. Ну просто органически не переваривала. Презирала.

Народ в массе своей у нас добрый и жалостливый. Потому когда видит, что кто-то лежит моськой в канаве, то скорее всего «человеку плохо с сердцем». И хотя от «сердечника» на три метра несет таким перегаром, что небрезгливые мухи в обморок падают, обязательно найдется сердобольный субъект, который наберет на телефоне не «02» – что логично и правильно, а «03». Алгоритм оператора «03» для вызова в данном случае: плохо с сердцем у взрослого, с потерей сознания в общественном месте. «Шоки» вылетают из гаража с воем и мигалками и метут по проспекту. На лице скепсис, в сердце пламенный мотор. По статистике, 90 процентов таких вызовов – рухнувшая в «бессилии» алкашня, которую тем не менее следует подобрать, воткнуть капельницу, стабилизировать гемодинамику и отвезти в токсикологическое отделение больницы скорой помощи. Радости от такой работы, сами понимаете, мало, если еще учесть, что после некоторых подобных клиентов приходится мыть внутри салон, проветривать машину и менять всей бригаде халаты...

Вот и на этот раз взору предстала знакомая картина. Здоровый детина, вольно раскинув густо разрисованные татуировками ручки, богатырски храпел под забором зоопарка. Пейзаж дополняли разбитый нос и блевантин, размазанный по «пинжаку с карманами». Рядом кучковалась стайка вездесущих и любопытных старушек, которые с наслаждением наблюдали разворачивающуюся сцену из телесериала «Телефон спасения 911». Свалили «хворенького» на носилки, запихнули в машину и уже там «подкололи» глюкозой с витаминчиками да с мочегонным...

Небольшое отступление. Доктор Семенова, по причине солидного возраста, посчитала наконец необходимым поправить зрение и надела очки. Когда она впервые показалась в очках на Станции, народ тихо полез под столы и за диваны, чтобы несолидным ржанием не обидеть хорошего человека. Кто ей присоветовал выбрать именно ту оправу, история умалчивает, но поганец ударил в точку безошибочно. Шимпанзе видели? Ну конечно видели! Так вот, доктор Семенова в очках была вылитой пародией на шимпанзе. Учитывая ее невеликие размеры, энергичные движения и замечательные круглые очки, перепутать было невозможно. Сама она подобной аналогии не усматривала, а потому была вполне спокойна и удовлетворена своим видом. На глупое фырканье некоторых маловозрастных коллег она по-королевски внимания не обращала.

Глюкоза возымела на удивление живительное действо на «больного» и тот довольно быстро очухался. Команда размещалась в РАФе так: впереди с водителем сидела медсестра, доктор заняла крутящееся кресло в салоне, а помощник («кадет» Эпштейн, если помните) устроился на заднем кресле салона, вольготно разложив свои голенастые конечности на складном кресле и подставляя лохматую и умную голову ветерку из открытого окна.

Чудесно «исцеленный» клиент тем временем сел на носилках как на лавочке и стал осматриваться. Доктор Семенова, насадив на кончик носа очки, а в угол рта папиросину, быстро и привычно заполняла карточку вызова. Абориген настроил резкость, помотал головой и, убедившись, что то, что он видит – не галлюцинация, обрадовался:

– О! Ёкэлэмэнэ!! Обезьяна!!! Ышо и курит!!! Гля!!!

Зря он это сказал. Ой зря! Моментально взбесившись, доктор Семенова отреагировала чисто «по-докторски». Подхватив висевший под рукой зажим-«языкодержатель», она точно и ловко защелкнула «натуралиста» обе губы, запечатав рот. Тот остолбенел. Не обращая внимания на болтающуюся капельницу, содрал с физиономии постороннюю железяку и обиделся. После пинка грустного аборигена под кресло доктор Семенова ненадолго воспарила и брякнулась назад. Развлечение пациенту понравилось. Пиная кресло, он наслаждался зрелищем «скачущей обезьяны» и хохотал от души. «Скорая» шла в потоке машин, и не было возможности даже

притормозить, чтобы в «сеанс лечения» вмешался, например, водитель с монтировкой или еще с каким транквилизатором. На очередном прыжке, цепляясь за все вокруг, доктор проорала в сторону дисциплинированного «кадета». Тот поджал свои голенастые ноги при первом пинке-прыжке любимого доктора и преданно ждал команды к действиям:

– Эпштейн!!! Дай ему закись!!!

Тут надо немного пояснить. В реанимобилях возят маленький портативный переносной аппарат для наркоза. В его конструкцию входят два небольших баллона сантиметров по двадцать пять длиной и диаметром сантиметров восемь. Один с кислородом, другой с закисью азота – веселящим газом. В некоторых ситуациях маску прижимают к себе, открывают полностью закись, ждут пару секунд и потом резко накладывают маску пациенту. Скопившаяся струя газа вырубает пациента буквально на 10–15 секунд. Так называемый «рауш-наркоз». Это нужно, чтобы провести какую-нибудь быструю манипуляцию или успокоить, а то и зафиксировать пациента. Чего и захотелось «летающей» докторше...

Эпштейн метнулся к аппарату, выдернул его из креплений и начал крутить редуктор подачи газа. Как это всегда своевременно бывает: кобуру заело!!! Цирк продолжался. Атракцион «летающая обезьяна» веселил уважаемую публику. Доктор Семенова прекратила визжать и только в подско-

ке, в момент зависания, успевала коротко выкрикнуть что-нибудь емкое про «Эпштейнову мать» или изысканные детали происхождения пациента. В отчаянии, видя, что редуктор «газу не дает», Эпштейн предпринял гениальный ход! Мгновенно открутил баллон с закисью азота от аппарата, замотал его в полотенце (аккуратный мальчик!) и с криком «Спи, зараза!» шарахнул пациента по голове. Чтобы вы сделали, если бы вас, посреди увлекательного представления, шарахнули по голове тяжеленькой железякой? Пусть даже аккуратно завернутой в полотенце? Правильно! Вы бы удивились. Так же как удивился и посетитель салона «скорой помощи» Медик-10. Стоя на четвереньках, он пытался сообразить, что ж ему так «дало в голову», как на него упала сверху «стая диких обезьян»! В рекордный срок конечности агрессора были связаны всеми типами морских узлов. Доктор Семенова победно запалила папиросу и тоном Кутузова приказала Эпштейну сесть на «дичь». После чего, мстительно ухмыляясь, потянулась к рации и потребовала, чтобы пациента от нее забрали «дураки» (психиатрическая бригада), так как пациент на почве неумеренного питья алкоголя испытал приступ белой горячки! (Что потом легко подтвердили в психушке, потому что он с порога начал рассказывать всем, что в «скорой» на него напала обезьяна в очках!)

На следующий день весь Город знал новый способ лечения – наркоз по Эпштейну.

Вот написал, а сам подумал. Смешно, конечно, что так все закончилось, но что может подумать критически настроенный человек. Мол, все врачи на скорой чистые вурдалаки и злодеи! Конечно, изрядная доля цинизма во взгляде на окружающую жизнь появляется уже очень скоро, но отношения с людьми становятся более откровенными, беспощадно оголенными. Когда правду говорят в глаза, когда вещи называют своими именами. Когда позиция всемогущего в критической ситуации у пациента отрезвляет и отбрасывает все наслоившееся в бытовухе, той жизни, без халата. Происходит мгновенная переоценка событий, слов, дел. Когда-то это происходит, наверное, с каждым человеком. Но в этой работе, в этой части жизни действуют совершенно иные законы и правила.

...И вот здоровенная бабища, раздирая в клочки халат и руки, пролазит без посторонней помощи в маленькое окошко тепловоза, добираясь к придавленному машинисту...

...И вот пожилой дядька, забыв про собственную стенокардию, дышит «рот в рот» «уходящему» в болевом шоке инфаркта одногодку...

...И вот «детские шоки» хмуро курят на крыльце больницы. Только что в реанимацию они привезли годовалого ребенка. Довезли вовремя, но уехать пока не могут. У мед-

сестры бригады оказалась та самая группа крови. И на счастье, экстренное совмещение проб крови показало, что прямое переливание возможно. Вот и льет она сейчас напрямую свою кровь, наблюдая как дитя розовеет на глазах. За зарплату? За премию? За медаль во всю неширокую грудь?..

...А каково приехать на страшный вызов к самому себе домой?

...А как утешить торопливо разговаривающую с тобой половину человека?! Когда другая половина, отрезанная, на железнодорожной колее уже не живет...

...Как заставить руки не дрожать, «подкалываясь» к умирающей женской руке, чувствуя на шее ледяное прикосновение ствола. Когда обезумевший от горя муж пытается заставить доктора работать быстрее...

...Какие слова подобрать, описывая, как бригада выходит из подъезда с больным на носилках и видит, что у РАФа снято колесо...

Да, я предвзято пишу, предвзято выбираю факты. Но это факты из нашей с вами жизни. Не фантастический роман.

Сценаристы всякого рода ужастиков и экшн обалдели бы от правды. Той правды жизни, которая сопровождает скоромошников на каждом дежурстве.

Сложно, да и невозможно описать все, что было. Были среди нас и герои, были и подлецы. Только сама атмосфера, человеческая среда скорой, изнуряющая работа, стресс и специфика не позволяет размножаться всякого рода плесе-

ни. Неуютно им и голодно.

Скоропомошники сродни другим адреналиновым профессионалам. Есть места, где спокойнее и денежнее, где уютнее и безопаснее. Но вот только что-то заставляет их: докторов и фельдшеров, медсестричек и санитаров, диспетчеров и операторов «03» снова и снова приходить на работу, надевать неновые халаты, забираться в разболтанные машины и, ругая погоду, зарплату, пациентов и дороги, подъезды, этажи и свою судьбу, ехать навстречу чьей-то боли, окунаться в чужую беду, как в пламя...

Я требую к ним уважения и понимания, сочувствия и помощи.

Они все это заслужили.

P.S. Имена, адреса и прочие уточняющие детали были изменены по понятным всем причинам...

Кто из бригады у «аквариума» первый, тот и вызов забирает. На маленьком, в ладонь величиной листке адрес, код ситуации, фамилия, время приема вызова на «03» и его передачи бригаде скорой.

Адрес знакомый, код тоже. Бабулька – божий одуванчик. Три инфаркта в прошлом. Но держится молодцом. Вызывает, когда уже не вмоготу... от одиночества. Ритуал всегда один и тот же. Бригада приезжает, бабуля встречает, жалуется на боли в сердце, получает укол анальгина и чудесным образом исцеляется. После чего, с торжествующе-хитроватой улыбкой стаскивает накрахмаленную кружевную салфеточку с подноса на столе. Бригада дружно «изумляется»: на подносе чайник со свежесваренным чаем, тарелочка с сушками, сахарница и по конфетке-карамельке на брата. Начинается изученная в деталях процедура уговоров-отнекиваний. Наконец бабуля «побеждает» – врач дает бригаде добро на краткое чаепитие.

– Леша, сбегай в машину, у меня там завалялось...

«Заваливались», как правило, пачка печенья, или баночка варенья, или шоколадка, купленные пятнадцать минут назад в киоске по дороге.

Следующая серия уговоров-отказов принять гостинец. Наконец все усаживаются и чинно пьют жиденский чай, со-

лидно похваливая хозяйку. Хозяйка светится. Расспрашиваем о новостях и внимательно слушаем подробный, но короткий отчет о всех событиях (бабуля точно знает, что больше чем на 15 минут мы задержаться у нее не можем). Медсестра гладит старенькую кошку, та с мурлыканьем обвивается вокруг ласкающей руки. Мурка – индикатор. Медсестра исподтишка ее ощупывает. Если кошка становится похожа на велосипед и можно пересчитать ее ребра, значит бабуля опять сидит на сухарях. Пенсию или задержали, или еще что. Следует короткий кивок доктору. После нашего ухода бабуля найдет под телефоном небольшую денежку. Напрямую она не возьмет помощь никогда. У нее своя гордость. Она была медсестрой на комсомольской стройке и на фронте была – однажды показала нам свои четыре ордена. Жаль только, что не размачиваются ордена в жидком чае.

Уезжаем, шумно и весело благодаря за чай. И в арке выезда из двора водитель обязательно моргнет синими фонарями, прощаясь, зная, что она стоит у окна...

* * *

– Медики-медики-медики! На Ипподромской – «телевизор»!

Это значит, что гаишники спрятались с радаром и ждут жертву. Иногда попадают и наши, забыв, что едут с вызова, и привычно погоняя. По правилам – без мигалок и большого

– ты такой же нарушитель, как и все. Понятно, что содрать денег со скоропомощного водителя невозможно, но вот «потоптать» шанс есть. Чем иногда некоторые гайцы и развлекаются. Хотя, справедливости ради надо сказать – скорая и милиция скорее дружат, чем ругаются. Уж очень часто им приходится сталкиваться на одних и тех же адресах. Демонстративно ползем, включив «мигалку», мимо незаметного фургончика – своего рода озорство. Из-за фургона высовывается длинный рыжий гаец и, скорчив свирепую рожу, грозит нам кулаком. Представляем, как злобные гайцы грызут свои полосатые палки и жаждут нашей невинной крови. Ржем. Санитар, перевесившись в водительский отсек, начинает анекдот, старательно опуская матерные «кружева». Становится еще смешнее, глядя на его филологические потуги...

– Медики-медики!!! Кто на Ипподромской или близко – срочно к ментам у «телевизора»! 69Р!!!

Успеваем обмениваться ошалелыми взглядами – у всех одно выражение лица – выпученные глаза и отвисшая челюсть. «Р» – означает реанимация. То есть там – смерть. Водила, с каким-то жутким рыком, затягивает «ручник» и бьет по газу, выворачивая руль. РАФ совершает полицейский» разворот. Мы успели отъехать метров на триста-четырееста через перекресток. Кажется, что машина прыгнула. Слава богу, вечер и встречных машин немного. Все посторонились, наш пируэт никого не загнал в столб. У милицейского фургончика стояла «восьмерка» с распахнутыми дверями. Двое милицио-

неров с дикими матами удерживали на тротуаре рычащий, хрипящий, воющий клубок. Еще двое сидели в сторонке на бордюре в позе «покатаемся на санках». Голенастый рыжий зловредный гаишник широко разбросал руки-ноги и почти интимно откинулся головой на грудь своему напарнику. Тот, оскалившись прокуренными зубами, держал его одной рукой поперек груди за портупею, а второй сжимал рыжему горло. Сквозь пальцы била тугими фонтанчиками кровь.

– Бритвой гнида! Б...дь!.. Он ему: «Документы!» А тот бритвой! И за кобуру его! Я вот держу, а все равно течет!

Кровищи-то! Два зажима прямо в рану. Пережимая все что можно и не нельзя. Лишь бы остановить кровотечение. Я впервые видел, как может фонтанировать кровь из артерии. Струей мне снесло с лица очки...

– Зажимы накинул?!

– Да!

– Придерживай! Соскочат – потеряем мужика... Света, подкалывайся!!!

– Куда?!! У него давление по нулям уже – сосуды спались!!!

– Режь, епть!!!

Вам приходилось делать венесекцию на тротуаре, на коленях, по уши в крови? Нет? Попробуйте... Вас потом уже ничего не выведет из равновесия...

– Скорее!!! Лей струей!!! Вторую руку тоже режь!!! Объем теряем!!! Встанет – не заведем!!!

Через прорез в трахее натекла кровь. Рыжий начал захлебываться. Особо не мудрствуя, прорезали дальше и завели трахеостому. Через нее же отсосали кровь. Милицейский старшина (а про него просто забыли!), который все это время держал безвольное тело товарища у себя на груди, насмотревшись на наши манипуляции, вдруг начинает блевать.

Перекидываем пациента на носилки. Визжат тормоза, рядом останавливается сразу несколько патрульных машин. От мигалок начинает мельтешить в глазах. Старшина, отблевавшись, поднимается с четверенок и закидывает руку за спину. Лязгает металл. С нечленораздельным ревом, почти с колен, он прыгает в сторону ментовоза, куда только что запихнули агрессора. Кто-то из его коллег успевает перехватить и отбить вверх ствол. Пуля уходит в небо. Старшину зажимают свои. Отбирают оружие, утирают лицо, заталкивают в машину. Присутствующие офицеры делают вид, что ничего не видели. Наконец носилки в машине. Водитель рвет с места так, что захлопываются открытые двери. Почти мгновенно нас догоняют и обгоняют две патрульные машины. С ревом, мигалками летим в Горбольницу. Там ждут...

Долго отмываемся в приемном покое. Не стесняясь друг друга, раздеваемся и замываем одежду. Халаты ладно – новые выдадут, а вот брюки... Эх-х-х, жалко штаны, почти не ношенные...

Около нашего РАФа стоит патрульная машина ГАИ. Наш

водитель и милицейский лейтенант молча курят. Молодой гаишник старательно домывает наш салон. Не за страх, по совести.

Что говорить? Молча киваем друг другу и забираемся на свои места.

– Медик. Медик-42. Горбольница. Свободен в 19.35.

* * *

К ночи наконец заехали на Станцию. Поменяли шприцы, сдали карточки, дополнили укладку лекарств. Поднялись в холл у «аквариума». Там стояли квадратом дермантиновые диваны с низким столом посередине – ритуальное место чаепития и чаестрепа. Налили, заварили, еще налили – кофейники работали непрерывно. Только их конверсионная родословная (делались на каком-то оборонном заводе) позволяла выдерживать такие сумасшедшие нагрузки. Пили чай три-четыре бригады, в тот момент в холл зашел странной походкой один из наших коллег. Педиатр. Обычно ездил один. Спокойный, уравновешенный человек.

Сбросив карту вызова, он, строго глядя перед собой, прошагал до дивана и плюхнулся с краю. «Ненормальность» его поведения была отмечена, но деликатность не позволила сразу приставать с вопросами. Наконец, отхлебнув чаю, он произнес:

– Только не говорите, что я все вру!

Общество изобразило вежливое внимание опытного психиатра. Рассказ был коротким и внятным. Последовала пауза. Народ пыжился, медленно набирая давление. Разрядил всех вопль Старшего врача смены, который проверял каждую карту вызова: «Это что за херня тут написана, а?!!» Тут взорвались все присутствующие! Хохотали до слез и соплей, до икоты и пуканья. Потом пошли комментарии и советы, которые вызывали все новые волны смеха. На несколько минут Станция была просто парализована. Ржали все...

Вызов был невнятный, жалобы путаные. Угрозы для жизни не было, а потому послали первого вольного врача. Им оказался наш доктор-педиатр.

Встретила его молодая взволнованная пара. По количеству цветов и празднично накрытому небольшому столу доктор понял, что, видимо, попал на бал. Что и выяснилось буквально через пару минут. У молодой пары состоялась сегодня свадьба. Во как! Не больше и не меньше. Молодожены были воспитаны на редкость сурово и на радость своим папам и мамам пришли к бракосочетанию целомудренными как билеты лотереи «Спринт». Все ритуальные приседания и подпрыгивания были соблюдены. Родственники съели и выпили положенное количество, пожелали молодым всего самого хорошего, в том числе и продолжение рода, и оставили их одних. Вот тут и возникла загвоздка. В теории кое-что было известно. Были даже заранее прочитан ряд порногра-

фических источников, таких как «Декамерон», «Виконт де Бражелон», и просмотрены растлевающие журналы «Ванда» и «Гинекология и акушерство». Основное осталось тайной. Первая брачная ночь уже была на пороге, а вот ясности в действиях не было никакой. Что делать? Кто может посоветовать профессионально и при этом сохранить серьезность? Они позвонили «03».

Молодым потребовалось немало времени, чтобы объяснить приехавшему доктору суть необходимой скорой помощи. Надо отдать должное доктору – он сумел, стиснув лицо в суровой маске, задать необходимые вопросы и понять, что перед ним оранжерейные экземпляры. После чего состоялось популярная лекция на тему «Откуда берутся дети и как этого добиться». Доктор, страшно боясь обмочиться от сдерживаемого смеха, объяснял буквально на пальцах и примитивных рисуночках «что», «куда» и «для чего». Молодожены, видимо от стресса потеряв остатки разума, сидели с пунцовыми ушами и остановившимся взглядом, внимая через слово лекции по «продолжению рода». Отчаявшись от пятнадцатого по очереди вопроса: «А как же он туда всунется, ежели он большой, а дырочка у ей ышшо маленькая?», доктор с зубовным скрежетом подавил в себе предложение показать всем все на личном примере, причем зайти в образовательном процессе «сколь угодно» и «куда угодно». Наконец принципиальные тезисы были усвоены, и «профессор» отбыл восвояси. Еще двадцать минут он рыдал от смеха на пле-

че у водителя, пытаюсь описать нормальным языком в карточке вызова, что именно он делал у пациента(ов)...

Теперь попытайтесь представить реакцию на этот рассказ утонченных сотрудников скорой, когда каждый легко сумел поставить себя на место коллеги и потому рвал сейчас жабры от гомерического смеха.

* * *

Очередная эпидемия гриппа. Опять задержки вызовов, карусель этажей, раздробленные бригады. Ночью потеряли одну бригаду. Уехали на вызов и не отзываются по рации, не отзваниваются по телефону. Решили послать по адресу за ними дежурную машину, которую держали для транспортировок. Водитель спустился в гараж и обнаружил «пропавших». Перед открытыми воротами в гараже стояла машина с работающим двигателем. Вся бригада спала мертвым сном. Какая степень утомления должна была быть, если хватило нескольких секунд ожидания открытия ворот, чтобы «срубило» всех в почти коматозный сон. Пробудили их только нашатырем и снегом. И снова послали на вызова...

* * *

Сегодня повезло, машину получил новую с толковым во-

дителем. Загрузил барахло, перекинулся парочкой новостей с другими ребятами, и вот уже и вызов. Бодренько пылим по указанному адресу. Судя по коду, жути быть не должно. На звонок открыли сразу, хмурый мужчина провел в комнату, где на диване лежала женщина около тридцати с мокрой тряпкой на голове. Сильная головная боль, повышенное давление. Опухшее от слез лицо. Лишних вопросов не задаю, но видно, что все мое курлыканье и уколы – не в тему. Наконец не выдерживаем оба. Я задаю вопрос, она, вскочив с дивана, вцепляется мне в руку и начинает в голос рыдать. Кое-как с помощью мужа выясняю, что же все-таки случилось. Оказывается, в соседней комнате лежит их собака, овчарка, которую час назад сбила машина. Живая, но...

Молодой красивый пес лежал на боку, вздрагивая всем телом и тихо повизгивая. Периодически по всему телу проходила крупная дрожь, и он вытягивал лапы, как бы потягиваясь. Глаза были налиты кровью, сукровица из носа, ссадины на голове и боку. На мое прикосновение он отреагировал вяло, вскинув и тут же уронив голову. Осторожно прощупываю ему кости. Вроде все целы, хотя могут быть повреждены ребра в месте удара. Челюсти целы. Голова... Явные признаки тяжелого сотрясения головного мозга, но вот что делать-то? Я не ветеринар и что в таких ситуациях делать собакам не знаю. Хозяева стоят рядом на коленях и не сводят с меня глаз. Блин, вот попал! Даже спросить некого, на Станцию ведь не позвонишь за советом. Ладно, буду лечить,

как лечил бы ребенка.

После нескольких уколов пес немного успокоился и даже попробовал полакать воду... Пора ехать. Отмахиваюсь от неловких попыток дать денег, пирожков на дорожку и выхожу из-подъезда. Грустно. Не знаю исхода. А горе у людей неподдельное...

Через пару недель Старший зазвал к себе «на мостик» и вручил на бумажке телефонное сообщение, переданное через операторов «03» с того самого адреса «доктору, который приезжал на вызов»: «Спасибо большое за помощь! Особый поклон от Мурата». Поглядев на мою невольную улыбку, Старший не сказал ничего.

* * *

Пельменная на Богданке была излюбленным местом ужина всех, кто вынужден был работать сутками. Пельмешки были «ручные» и вкусные. И контингент был особый. В основном водители, таксисты, скорая, милиция, всякие ремонтные службы. Народ суровый, языкастый и упрямый. Как-то так сложилось традицией, что скоропомошников всегда пропускали без очереди. Без единого лишнего слова. Поэтому, когда какой-то мужик в очереди возмутился и достаточно громко начал высказывать свое недовольство тем, что ему придется дожидаться новой варки пельменей, а он тоже голодный. А вот наглецы (в составе восьми человек – две

бригады скорой) из-под носа уводят все готовые пельмени! Всё кафе замерло. Мы молча посторонились и дали ему возможность взять свою порцию. Презрительно свистя носом и отдуваясь, он сгреб поднос и, не глядя ни на кого, устроился за столиком. Мы дождались своего и тоже присели неподалеку. И тут началось. Каждый водила, отходя от кассы, ставил на его стол тарелку с пельменями. Лишнюю, купленную специально для него, голодного. Молча, без реплик. Через пару минут стол был заставлен. Мужик сидел с пунцовой рожей и давился пельменем. Тихо встал и, не поднимая от пола глаз, ушел. Больше его там никогда не видели...

* * *

Теплый вечер ранней осени. За окнами мелькает стремительно желтеющая листва. Запахи становятся острее, звонче. Солнце, выигрывая последние партии у наступающего вечера, поджигает костры рябин. Машина плавно скользит по улице и даже каким-то волшебством минует большинство рытвин и ухабов. Завороженные переменчивой цветовой симфонией, молчим...

– Медики-медики-медики!!!

Адреналин хлынул в кровь. Голос Старшего врача по рации был непривычно жестким и наполнен каким-то предгрозовым электричеством. Не так уж часто он подходил к рации диспетчеров.

– Медики! Разговоры прекратить! Слушать всем! Ситуация «Кедр»!!! Повторяю, ситуация «Кедр»!!! Всем свободным медикам выполнять немедленно!!! Всем медикам на вызовах с ситуацией ниже 66К – выполнять немедленно!!! Всем водителям информировать свои бригады, если они не у рации!!! Ситуация «Кедр»!!!

Все наверняка слышали, как иногда воют сирены оповещения гражданской обороны. Тоскливо, тревожно, мутно. А теперь представьте, как вдруг начинают кричать сирены ВСЕХ «скорых», как они все одновременно включают проблесковые маяки и разворачивают в одном направлении, как постепенно, но очень быстро собираются в колонны, летящие через весь Город. «Ситуация «Кедр». За этим безобидным словосочетанием скрывается предчувствие огромной беды. Так закодирован план участия скорой помощи в ситуации, когда на Город падает самолет. Тянет до аэропорта, но уже падает... А вариантов нет – Город слишком огромен. Предполагается катастрофа. Массовые жертвы. «Скорые» стягивают ближе к аэропорту. На все – минуты. Полиция разгоняет все машины с центральных улиц, обеспечивая проезд не только нам, но и пожарным, солдатам, ремонтникам... Машины летят одна за другой, с минимальным разрывом, ослепляя дома фарами и мигалками. Сумасшедшее ожерелье чем-то разгневанного Города. Нервы натянуты до предела, до звона...

– Медики-медики-медики! Отбой!!! Повторяю – отбой!!!

Ситуация «Кедр» отменяется! Отбой! Сумели посадить. Всем домой. Разбирайте вызова.

Общий выдох облегчения шлохнул листву. Возникает пьянящее чувство свободы и легкости. Хочется смеяться, петь, сделать какую-нибудь веселую глупость. Наверное, в этот день люди, встретившие бригады скорой были удивлены их спокойствием и улыбками. Все казалось простым и незначительным по сравнению с несостоявшейся бедой.

* * *

Заехали на гипертонический криз, 66К. Полечили. Давление снизилось. Пациенту похорошело. Им всегда хорошело, когда внутривенные инъекции делала Света. Стройная брюнетка с фигурой и походкой балерины и безупречной техникой всех медсестринских манипуляций. В какие жилы она попадала и в каких условиях – это отдельная повесть! Строгая, большеглазая с шикарными соболиными бровями, в идеально выглаженном халате, который умудрялся каким-то волшебством сохранить свою свежесть до конца дежурства. Обязательным ее ритуалом было мытье рук перед уколами. Вот и сейчас не обошлось без него. Вышли из квартиры, подошли к лифту.

– Ой, ребята, подождите! Я сейчас...

– Что такое?!

– Да колечко забыла на полочке у умывальника, когда ру-

ки мыла.

Звонок в дверь. Еще, еще. Странно, ведь только ж вышли! Наконец открыли на цепочке.

– Чего вам?!

– Извините, вот сестричка наша у вас колечко забыла на полочке в ванной, когда руки мыла. Позвольте...

– Ничего она у нас не забыла! Шастают тут!

Бамммм-с!!! С грохотом захлопнулись двери.

Постояли. Помолчали. Светка беззвучно плакала. Санитар Леша предложил поджечь дверь. Предложение угасло как неперспективное. Не доказать. Не найти. Не вернуть. Точка. Помните историю про французское мыло? Вот так-то...

* * *

Иногда воспоминания о скорой напоминают мне самому лоскутное одеяло. Кусочки, кусочки, кусочки... Хочется рассказать, а сам себя останавливаешь. Как передать? Какими словами объяснить? Как заставить почувствовать тоже, что и ты? Как доказать право на любовь, уважение и понимание к этому порой непонятному и неприступному братству спасателей?

Может быть мне это сегодня все-таки удалось? Ну хоть на мгновение?

Если да, то передайте мой поклон ребятам и девочкам,

мужчинам и женщинам в белых халатах или форменных комбинезонах, стоящим в ваших дверях с фразой:

«Здравствуйте, доктора вызывали?»»

Опять порвал халат при посадке в машину. Оттопыренные из-за укладок со шприцами, карманы делали фигуру похожую на толстожопого медведя и соответственно меняли габариты. Вечно цеплялся за что-нибудь. Девчонки будут ворчать на выдаче. Переживем...

Вызов писал на планшете, придерживая плечом трубку радиотелефона и другой рукой приветственно стискивая огромную лапищу водителя. РАФ, задумчиво похрюкивая старыми амортизаторами, выкатился со двора Станции и неспешно направился в сторону Ботанического сада. Хорошо на улице – золотая осень. Тепло, сухо, красиво.

Настроение испортилось уже в подъезде. Запах... Кто не чуял, то не поймет. Запах отсроченной смерти. Оно вроде и не пахнет, как должно пахнуть, а вот воспринимается, да так, что шерсть дыбом встает. Без лишних слов скользишь между смутными фигурами родственников и, наконец, оказываешься один на один с человеком, чья душа уже застенчиво балансирует на границе миров. Терзаясь страхом и терзая неизвестностью близких людей. Онко убивает не опухолью, убивает страхом. Может быть, этот пещерный страх и воспринимается на расстоянии, еще невозможном для обоняния, но уже доступном для других, непонятых еще систем восприятия.

Бесполое, полурастворенное в пространстве белых простыней, существо желает только одного – беспамятства, забвения. Огромная доза, способная мгновенно убить взрослого здорового человека, медленно скользит в иссохшую руку, вызывая легкий румянец на гипсовом лице и слегка приоткрытые глаза вдруг наливаются небесной синевой и слышно тихий шелест-выдох: «Спасибо...»

Ненавижу себя в такие минуты. Свою беспомощность и бессилие...

Температура, гипертонический криз, пищевое отравление, ожог кипятком, пара транспортировок... Дежурство течет своим чередом. Приближается ночь. Время всякого рода экзотических приключений, будь они не ладны. Заехали на Станцию. Старший врач, уединившись с молодым коллегой в уголке курилки, и даже, кажется, приобняв за плечи, проводит шепотом воспитательный процесс. Это видно по виноватому вилянию всего молодого тела и несчастному выражению на лице. Старший врач – педагог опытный. Никогда не позволит себе отодрать виноватого на людях, но уж с глазу на глаз скажет тебе все, что думает. Доступно, жестко, справедливо. Я сам попадал пару раз в объятия. Бр-р-р, но до сих пор дословно помню, что и почему было сказано.

* * *

– Доктора Савельев, Патрушин, Федоров, примите вызо-

ва...

– Чаво едем?

– Головка – вава, сердечко – кака, жизнь – бяка! И не поверишь! Все на одном адресе: Донского, 45...

– Ага, расхворались, епть, на ночь глядя. Спать уже пора. Днем не болеют, ночью – скоко хошь...

– Золотые слова! Только кто бы слышал...

Так, беззлобно переругиваясь, уже доехали и теперь ползем в небольшом микрорайоне, цепляя поисковым прожектором номера домов.

Пожилая женщина – гипертоник со стажем. Чего-то нынче привычные лекарства ее никак не поддерживали, давление сорвалось в «свечку» и не желает падать. Вены все в узлах, кое-как подкалываюсь на кисти, на всякий случай завожу тонкий катетер по игле. Ответа на стандартные лекарства адекватного все еще нет. Начинаю понимать, что попал... Давление продолжает расти и, что самое поганое, «нижнее» начинает поджимать «верхнее». Возникают так называемые «ножницы». Где-то системно возник тотальный спазм сосудов. Приходится мгновенно просчитывать все возможные комбинации лекарств. Нельзя чтобы возник конфликт лекарств или наоборот, лекарственная синергетика, когда действие вполне безобидного спазмолитика вдруг усиливается на порядки и возникает такая «буря», что подавить ее возможно уже только в условиях интенсивного отделения или как минимум в присутствии специализированной бригады.

Лекарствами я запасся, правдами и неправдами выпрашивал, менялся, ну и стырил пару-тройку ампул. Каюсь! Только вот лекарствами тут всего не решишь, организм не отвечает на фармакологию и все! А давление все растет... Звоню на Станцию и, не выпуская из поля зрения пациентку, прошу приехать на консультацию доктора Смирнову. На Станции знают, что если веселым тоном зову доктора Смирнову (специализированная кардиобригада), то «песец» уже не просто подкрался, но весело улыбается прям в лицо...

Услышал то, чего боялся услышать.

– Дим, все в разъезде. Крутись! Поставим на приоритет, предупредим водителя по рации, но когда приедут – не знаем. Сильно худо?

– Ага, полный зоопарк пушнины...

– Ясно. Удержи до «шоков», всех предупредим.

– И на том спасибо!

Весело скалясь, возвращаюсь к пациентке, несу какую-то пургу о магнитных бурях и многочисленных пациентах, которым всем хреново, «но вот у вас-то, любезная Екатерина Семеновна, все не так уж и плохо, просто медленно действуют лекарства, видно уже давно болеете, привычка на них выработалась». Треплюсь, а у самого холодеет даже в заднице. В очередной раз чавкаю грушей тонометра и с каменной физиономией отмечаю, что показатели переваливают критические отметки. Прикладываю фонендоскоп к груди и отчетливо слышу хлюпающие звуки, сопровождающие каждый вдох.

«Блиииин... Отек легких начинается... Ешкин кот, как ее вытащить-то на подножном корме... Ни кислорода, ни хрена...»

Женщина начинает мне что-то говорить, невпопад отвечаю, но вдруг слышу, что она заговаривается. Смотрит на меня и несет полную чушь, на раскрасневшемся лице появляется отчетливый бледный носогубный треугольник...

Уже ничего не объясняя, усаживаю ее на постели. Родственники притащили два ведра с горячей водой. Ноги в воду. Подушки за спину. Окна на распашку. Вытаскиваю из укладки иглу максимального диаметра – «воздушку» и с первого захода подкалываюсь в локте. Провожу то, что раньше назвалось кровопусканием. Самого потряхивает от адреналина. Достаточно коротких слов, а то и междометий, чтобы окружающие безупречно выполняли то, о чем прошу. Наложил жгуты на ноги выше колен. Прекратил сбрасывать кровь. В катетер ввожу противоотечные препараты. Вслушиваюсь в какофонию хрипов в легких. Вроде бы становится поменьше. Да, уменьшается... Теперь не прошляпить «откат», сейчас могут одновременно заработать все препараты, что вводил ранее. Кто-то трогает за плечо, сердито поворачиваюсь. За спиной Смирнова с бригадой. Делаю шаг назад. Ребята одновременно со всех сторон обступают пациентку и начинается стремительная манипуляция. Смирнова окидывает взглядом всю картину, протягивает уже возникшую ЭКГ-ленту между пальцев и карандашом шевелит вскрытые

ампулы на тарелке. Поднимает на меня глаза, улыбается и кивает. Из меня как будто выпускают воздух. Мешком оседаю на подвернувшийся стул...

Почему мне никогда не интересно в казино? Может быть, потому, что азарт от рулетки несравним с эмоциями в таких вот ситуациях? Когда чувство справедливой победы топит в себе все остальные эмоции...

Тетеньку замечательно полечили, родственники собирают ее в больничку. Мы со Смирновой мирно общаемся в углу, уточняя последовательность действий, показатели давления, пульса и заполняя карты вызовов. Она, оценив объем моего вмешательства, делится со мной лекарствами и подсказывает кое-какие специфические приемы. Довольные друг другом, разъезжаемся.

Бригада забрала пациентку, я тупо разглядываю новый вызов. «Транспортировка». Ладно, хоть отдохнем малость.

На станции переливания крови вручили кейс-холодильник с кровью и адрес, куда доставить. Ситуация не острая, но попросили поспешить. Детское онкогематологическое отделение.

Нас там ждали. Кейс сразу же подхватили и унесли.

Вижу знакомое лицо – институтский преподаватель. Сегодня дежурит по этому отделению. Узнает меня и приветливо приглашает на чай. Времени немного есть и пообщаться с интересным человеком тоже хочется. Она не удивлена, что видит своего студента на скорой, но беспокоится, как это от-

разится на учебе. Успокаиваю как могу, шутим, грызем сушки. Оглядываюсь в довольно уютной ординаторской и вздыхаю от тихой зависти. Мне бы так дежурить: на хорошем диване да с телевизором.

– Татьяна Васильевна, в шестой палате Сережа не спит. Вас зовет, говорит, что спросить что-то хочет. Подойдете?..

– Можно мне с вами?

Еле заметная пауза все-таки возникла...

– Ну хорошо, пойдем. Ты здесь еще не был?

...Длинный коридор, мягкий линолеум приглушает шаги. Стены расписаны аляповатыми цветами, зверушками, радугами, облаками. Один медсестринский пост, второй, сестер нет, дверь одной из палат приоткрыта, в коридор отброшен конус света.

В палате две койки. Одна пустая, на второй ребенок. Мальчик лет шести-семи. Катетеры, мониторы, капельницы, провода. На фоне всего бело-голубого, чистого и блестящего – большая плюшевая собака в ногах. Рядом суется две медсестры.

Знаете, очень трудно описывать больных детей. А еще труднее таких вот...

Огромные глаза, заострившиеся черты лица, два островка волос, почему-то только на висках, сухие, покрытые коростой губы и пальцы, почти незаметные на простыне. Это то, что успел увидеть. Слова он выталкивал из себя с видимым усилием.

– Что не спишь, Сережка? Время ведь уже позднее. Или болит где?

– Нет, не болит... Я спросить... хочу...

– Что спросить, малыш?

– А в воскресенье... будет... «Чип и Дейл»?

– Ну-у, будет наверное. Конечно, будет!

– А можно я... доживу... до воскресенья? «Чипа»... хочется... увидеть...

Я не помню, как я оказался в коридоре. Как вслепую шел к выходу, как стоял на крыльце больницы, судорожно втягивал в себя свежий ночной воздух и давился слезами...

Я – скорая, но здесь мы не успели...

Сегодня я уснул на семинаре. Просто не поймал момент, когда голова упала с подпирающей руки. Ткнулся лицом в открытые тетради и мгновенно провалился в глубочайший сон. Первый раз со мной такое. Потом ребята говорили, что замолк на полуслове и в нокаут. Самое смешное, что сидел рядом с доцентом кафедры. Ее семинар, репутация строжайшей и пунктуальнейшей церберши. Вся группа усаживается вокруг длинного стола, раздаются истории болезни и начинается вивисекция студенческих мозгов. Тетка растерялась от такого вопиющего «номера», потыкала меня локтем, дождалась пока я разлепил один глаз и тихо попросила: «Ну ты хоть не храпи так!» Я невменяемо и счастливо хрюкнул и опять выключился. Потом, конечно, было стыдно. Извинялся, краснел, что-то пытался сказать. Но «цербер» смотрела на меня все понимающими глазами и вздыхала:

- Скорая?
- Скорая, – повинно кивал я.
- Ну нельзя же так, ведь вы похоже вообще не спали. Которые сутки уже?
- Третьи, Людмила Петровна...
- А почему так?
- Дык сами видите, что творится.
- Ну да, понимаю. А рефератик по сегодняшней теме мне

принесите все-таки. Тема важная, мне нужно знать, что вы материал усвоили.

– Разумеется, всенепременно, обязательно, на следующий семинар...

Фу-у-у, пронесло кажется. Сейчас две лекции, и снова на Станцию.

* * *

У женщины от стресса прыгнуло давление. Сосуды хрупкие и глубокие. Аккуратно зацепил тоненькую жилку на кисти и помаленьку ввожу «коктейль моей бабушки». Все нормально, если бы не четыре кошки, сидящие на столе напротив и внимательнейшим образом наблюдающие за моими действиями. Синхронно поворачивают свои остроухие головки за моими руками и явно пытаются заглянуть мне в глаза. Где-то я читал, что животные не выдерживают прямого взгляда. Ну да, эти четыре звереныша мне конкретно объясняют, что бабушка не бездомная! И если обижу, буду иметь дело со всеми четырьмя!

* * *

– Медики-медики, кто освободился в центре, ответьте Медику-Центральному.

– Медик-22 на Димитрова.

– Пишем Медик-22. Гостиница «Центральная», номер 406. Ситуация 66К. Как поняли?

– Понял. 66К в «Центральной».

– Спасибо, 22-й. 17.45.

Прохожу с каменным лицом мимо напыщенного и с фальшивой улыбкой швейцара. Он меня конечно не помнит. Но я-то помню, как он нас с ребятами не пустил в гостиничный холл, когда мы удирали от внезапно разыгравшегося ливня. «Ладно, погоди, змеина, сейчас что-нибудь придумаю».

– Ах да, милейший! Будьте любезны, захватите в 406-й номер реанимационную укладку из машины. Водитель вам покажет, что именно. И поспешите, ситуация критическая!

Скрывая ехидную улыбку, вхожу в лифт. Оно мне там нафиг ничего не нужно, но холуй лампасный урок получит.

Стучусь в указанную дверь, здороваюсь и прохожу в номер. Напротив меня стоит герой наиболее значимых для меня в детстве фильмов. Как живой. «Замерзаю» на пару секунд. Видимо для него подобная реакция обывателей уже стала привычной. Улыбается и своим потрясающим бархатым голосом приглашает пройти дальше.

– Тебя как зовут, доктор? Дмитрий? Отлично, я – Николай. Слушай, тут такое дело... Мы в вашем городе на гастролях с театром. Через пару часов спектакль, а наш товарищ прихворнул. Как бы его вылечить быстренько? А?

– Конечно! Что случилось, где больной?

– Больной этот, мать его, в спальне почивают! Без малейшего сознания, ... мать!

Захожу в соседнюю комнату. На здоровенной кровати, наискосок, лежит другой мой кинокумир. Пьяный в хлам. То есть не просто выпимши, а в состоянии анабиоза и окукливания. Встречаюсь взглядом с Николаем. Тот сокрушенно разводит руками. «Не уследили», мол...

– Хронические заболевания есть? Аллергия на медикаменты? Сердце здоровое?

– Ну так вот это его заболевание и есть... Чуть проворонили – он уже и готов. Запойный он. Ничего поделать не можем. Ох, подведет всех...

Ладно, есть у нас «волшебная микстура». В две «двадцатки» идет бешеный коктейль из витаминов, стабилизаторов, гепатопротекторов, детоксикантов и прочего. Все в вену струйно, потом капельницу с физраствором, мочегонное... Магнезия в вену медленно... Оп-па! Уже и глазки открылись... Уже и в туалет захотелось... «Здрассте-здрассте! Нет, выпить не хочу. Нет, автограф тоже не хочу. И контрамарки мне не пригодятся...»

На всякий случай делаю ему кардиограмму. Все нормально...

– Чаю ему дайте и побольше. Сладкого и с лимоном.

– Спасибо Дмитрий. Выручили! Может, все-таки придете на спектакль? Н-нда... Вижу, что не придете. Не осуждайте. У всех своя судьба. Всего доброго!

Какой мне смысл его осуждать. Жаль только своих детских фантазий...

У двери топчется швейцар, увешанный сумками с «реанимацией». Заворачиваю его обратно со словами «слава богу – негодились». Так и не понявший моего мелкого озорства, пытается вытянуть из меня подробности. Обломись, сплетник старый!

* * *

На удивление вызовов сегодня мало, и бригады подтягиваются на Станцию. Сидим, пьем чай, грызем сушки. Беседа течет лениво и в никуда.

На лестнице, ведущей с улицы, появляется незнакомый парень. Крутит головой, рассматривая «аквариум» с диспетчерами. Явно кого-то ищет. Так случилось, что я сидел с краю, и поэтому он обратился ко мне.

– Извините, а можно доктора попросить меня посмотреть?

– А что случилось? Какой именно доктор вам нужен?

– Я тут шел неподалеку. Шпана пристала. Подрались. Видно в драке пнули в спину здорово. Или ребро сломали, или еще че... Спина болит, и руку поднять больно.

Народ притих на мгновение, уловил ключевые слова и продолжил благостное жужжание. «Молодой» попал на пациента – ему и разгребать. Вздохнув, я полез в саквояж за

фонендоскопом.

– Давай, снимай куртку. И пойдем в комнату отдыха, взгляну...

– Доктор помогите мне! Руку поднять не могу...

Парень поворачивается ко мне спиной. У меня падает челюсть. В спине, чуть ниже лопатки – наборная рукоятка ножа.

– ...!!! Парень! Ты куртку не снимай! Ну ее! Я так посмотрю. И вообще ложись прямо здесь на диванчик. На живот!

Народ, услышав мои бодрые лозунги, удивился и приоткрыл рот, не видя из-за моей спины «пейзажа». Тем более, что своими командами я сгонял с насиженного места трех человек! Развернувшись ко всем лицом, делаю страшные глаза и вслух осведомляюсь:

– А не позвать ли нам для консилиума доктора Петухова?! – Взрослые «шоки», как раз заехали на Станцию.

После чего помог молодому человеку аккуратно лечь на живот. Тут уже проняло всех. Бодрым галопом в комнату отдыха за Петуховым ускакал один из санитаров, свободные доктора скучковались вокруг диванчика. Обмениваясь многозначительными взглядами, и малозначимыми для постороннего человека репликами. Парень только успел заподозрить неладное, как прибывшая бригада «шоков» уже взяла его в оборот. Клинок тампонировал рану, потому вытаскивать его не стали. Как был, лицом вниз, перебросили пациента на «штурмовые» носилки и исчезли со Станции...

Некоторое время все молча пили чай, переваривая ситуацию. Комментариев не было.

* * *

— Доктора Мищенко, Сергеев, Федоров, Панкина подходим за вызовами!

Мне достался странный вызов в медприемник железнодорожного вокзала. Код нечасто встречался, потому я даже зашел к диспетчерам «03» уточнить, о чем идет речь. Вечер обещал быть нескучным...

Мерзко-зеленая краска на стенах и рыжий кафель служебных помещений железнодорожного вокзала свел бы любого эстета в могилу. Запахи культивировались десятилетиями. Полуслепые лампочки висели, наверное, со времен электрификации Сибири. В медпункте сидела молодая цыганка с ребенком на руках. По тому, что можно было увидеть, у ребенка была явно повышена температура и даже на расстоянии были слышны свистящие хрипы. Проблема была в том, что она наотрез отказывалась дать осмотреть ребенка. Тревогу забила бабки, которые продавали всякие съедобные мелочи на привокзальной площади. Одна из них увидела и услышала достаточно, чтобы позвать милиционера и объяснить ему ситуацию. Цыганка, не обращая внимания на ребенка, моталась среди толпы и выпрашивала милостыню. Там ее и прихватили, проводив в медпункт. Обиженная фельдшери-

да прилаживала на место полуоторванный воротник своего халата и сдвинутый шиньон. Цыганка без боя не сдавалась. Останавливал ее только пузатый сержант, перекрывший собой дверь.

– Ты понимаешь, что у тебя ребенок болен?

– А тебе какое дело?!

– Я – врач. Здоровье ребенка – моя забота. Давай я его просто послушаю, на твоих руках?

– Нет!!!

– Почему?

– Не твое дело! Это мой ребенок и ты его не трогай! Полезешь – прокляну!..

– Оставить тебя здесь с больным ребенком я не могу. По-едем в больницу...

– Зачем? Не поеду никуда! Отпустите меня! Я ничего плохого не сделала!

– Иди! Но ребенка оставишь здесь!

– Нет!!!

– Тогда поехали! Сержант, могу я попросить сопроводить нас?

До детской больницы пятнадцать минут спокойной езды. Цыганка смотрит загнанным волком и готова сигануть в любую щель. Проезжая знакомым переулком, вдруг подскочил от идеи!

Скорая притормозила у глухого высокого забора с разукрашенными железными воротами. На стук во дворе глухо

залаляли собаки.

– Михалыч дома?

В ответ пробухтели что-то невнятное...

– Позови!

Через пару минут впустили во двор. Я знал это место. Не один раз сюда заезжали «скорые». У хозяйки бронхиальная астма, с которой не всегда справлялись домашние самостоятельно. На крыльцо вышел невысокий широкоплечий бородатый мужик. Мы были знакомы по вызовам, хотя больше трех слов он никогда не проронил. По тому, как суетилась вокруг него разнообразная челядь, я знал, что он среди цыган далеко не последний человек.

– Михалыч, доброго тебе здоровья! Извини что беспокою. Тут такое дело...

Кратко пересказываю ему ситуацию и прошу совета. Нахмурившись еще больше и не вступая в дискуссию, он спускается с крыльца и подходит к машине. Происходит чудо. После короткой фразы, процеженной сквозь зубы, цыганка, молча, передала ребенка мне и, потупив глаза, шмыгнула в открытые ворота. Михалыч неожиданно протягивает мне руку и произносит целую речь...

– Куда везешь ребенка? Хорошо. Наши за ним присмотрят. Спасибо тебе.

Через полчаса дитя уже в полном объеме занимаются в больнице.

После полуночи потихоньку скапливаемся на Станции. Относительно спокойное дежурство. Может удастся и поспать. В комнате отдыха пока еще много не занятых коек. Вытягиваюсь во весь рост и мгновенно отрубаясь...

Странные сны снятся в такие вот моменты на скорой... Снится, что вызовов нет и спать можно бесконечно долго. И мягче нет расплющенной больничной подушки и провисшей сетки, и нет силы, которая выдернула бы тебя из бесконечной глубины. Вот только на собственное имя реагируешь мгновенно и автоматически...

– Дима, у тебя вызов!

Сбрасываешь ноги и пару секунд еще сидишь, «запуская реактор». За те несколько шагов, что отделяют комнаты отдыха от «аквариума», успеваешь погримасничать, зевнуть и одернуть на себе халат.

Старший врач стоит, облокотившись на перила лестницы, ведущей в гараж. Приветствует взмахом сигареты. Без слов, поднятыми бровями и характерной мимикой спрашивает «чем порадовали» диспетчера. «Молодой «живот» на Ботсаду». Благословляет той же сигареткой.

Подъехав к нужному дому обнаруживаем, ставший модным в последнее время около таких дворов здоровенный,

сваренный из швеллера, закрытый на амбарный замок, шлак-баум. Таким образом, жители оберегают себя от чужих машин и связанных с ними грязи и шума. Все понятно, но нам-то что делать?! Объехать невозможно, деревья. До нужного подъезда, метров сто. Ладно, прогуляюсь. Подавляя в себе растущее раздражение и какую-то тревогу, собираюсь и топаю.

Чуяло сердце не напрасно. Молодая женщина. Спортсменка, комсомолка, не красавица. Живот подвздут, брюшина «семафорит», кишечник совсем тихий и при перкуссии четкий уровень жидкости... Лицо осунулось, заострилось, субфебрилитет...

– Когда живот заболел?

– Два дня уже...

– А чего ждали?

– Думала пройдет. У меня месячные болезненные, поддержка была... Думала вот они и начались... А потом хуже и хуже...

«Мдя... похоже на «внепапочную» беременность. Разрыв яичника или трубы. Откуда-то ж в пузо накровило...»

– В больницу надо. Вы одна живете?

– Да. Я сейчас соберусь...

– Лежите и показывайте, что взять и куда сложить. Вставать вам нельзя. Категорически...

Молодец дамочка, видно, что страдает, но собрана и относительно спокойна. Следуя конкретным инструкциям, быст-

ро собираю в сумку какие-то тряпочки, тапочки, книжку... Во время сборов заглядываю в отгороженный книжными полками уголок. Вся стена увешана вымпелами, медалями, фотографиями, стоит пара кубков. Вот и понятна ее терпеливость – привыкла к боли.

Иду за носилками и тут до меня доходит, что мало того, что нам с водителем придется тащить не маленькую, в общем-то, женщину достаточно далеко, предварительно поизвивавшись на лестничных клетках, но и обойти с носилками этот долбаный шлагбаум не получится.

Минимумом ненормативных слов излагаю ситуацию водителю. Получаю ответ в стиле «И я такого же мнения, коллега...» Понятно, что монтировкой замочек у шлагбаума не скovyрнуть. Три часа ночи. Ключи не найдешь. Остается воспитательно-наступательная мера «дискотека». Врубается на машине вся иллюминация, сирена-«квакалка» и «ревун». Через считанные секунды загораются окна практически во всех квартирах близлежащих домов. Дуванив еще разик на клавишу «ревуна», дожидаясь момента, когда, через угасающий вой становятся слышны матерные вопли разбуженного гегемона, и деревянным голосом на максимальной громкости объявляю:

– Срочно открыть проезд для «скорой»!!! Немедленно!!!

Из-подъездов выходят несколько человек и идут к машине. Вижу, как мой водитель быстро прячет в рукав монтировку. «Если чего – вызывай по рации ментов» – выскакиваю

навстречу. Не давая вставить и полслова, начинаю грузить:
– Так! Четверо со мной – понесете больную. А вы, как хотите, но открывайте шлагбаум.

Вручаю невольным помощникам носилки и, не слушая ничего и никого, рысью несусь обратно в квартиру. С некоторой задержкой, «санитары» бегут за мной. Водитель подбодряет процесс еще одним рывканьем сирены. Увидев больную и поняв, что все серьезно, мужики без лишних слов подхватили носилки и со всем старанием вынесли из-подъезда. Машина уже стояла внизу, готовая принять на борт пациента. Шлагбаум был открыт и, судя по хмурым взглядам, которые мужички бросали на кого-то в тени подъезда, закрыт будет теперь не скоро...

* * *

На Станции легкая суета. В углу диспетчера отпаивают вальерьянкой молодую докторшу. Та, глотая слезы и сопли, в который раз пытается рассказать, как на нее кинулись в расчете на спирт и наркоту какие-то упыри. Судьба ее занесла в городской «Шанхай». Туда даже милиция заезжает усиленными патрулями, а тут Мальвину послали. Накрахмаленный халатик, кудряшки и голубые глаза в пол-лица. Водитель отбил... Старший орет на виноватых. Невиноватые попрятались, чтобы рикошетом не прилетело.

Пошел за чаем, пообщались с приятелем-однокурсником.

Тот обычно ездит на Заельцовской подстанции, но сегодня перебросили сюда. Поболтали об институтских новостях. Увидел знакомую докторшу, вспомнил, что обещала на прошлом дежурстве пару ампул «пеногасителя» – лекарства, которое при остром отеке легких подавляет пенообразование и позволяет человеку дышать.

Худенькая женщина стояла в темном углу коридора с сигаретой и чашкой и как-то странно тряслась. Увлеченная своим занятием, она не заметила, как я подошел и по-настоящему перепугалась. В руках у нее были зажаты несколько ампул, содержимое которых она сосредоточенно вытряхивала в чашку с чаем. Огромные глаза за очками наполнены усталостью и тревогой. Молча протягивает мне пустые ампулы на ладони. Кофеин, «иначе не выдержу... давление падает... а на больничный нельзя...» Что ей сказать?! Прочитать мораль о кофеиновой зависимости или лекцию об износе миокарда? А кормить ее двоих детей и бабушку лектор будет? Ибо папенька растворился в астрале, узнав, что у второго ребенка порок сердца...

Вот и пашет она наперегонки со смертью по две смены.

Слава Богу, конец дежурства. Погода отличная. Прогуляться до института – милое дело! Тем более, что нужно успеть на семинар, который начнется только в половине одиннадцатого. Все здорово! Немного удалось поспать. Перекусил припасенным бутербродом. Легкая небритость и воспаленные глаза компенсированы пижонскими светлыми

штанами и белыми летними туфлями. Настроение замечательное.

Пройдя три-четыре шага от перекрестка, буквально подпрыгиваю от жуткого удара и визга раздираемого железа где-то за спиной! Не знаю из-за чего, но на перекрестке «сошлись» три легковых и одна грузовая машины. Уже по силе удара и видимой деформации кузовов понятно, что жертвы будут. Начинают работать рефлексy и автоматизмы. Не обращая ни на кого внимания, быстро оббегаю все машины. В ближайших ко мне жигулях трое, в «Волге» один, в других жигулях еще двое, в грузовике только шофер. Больше всех пострадала троица в жигулях. Водитель лежит лицом на руле, вся левая сторона головы в крови. Пассажирка рядом с ним изумленно разглядывает собственные руки в крови и раздавленных куриных яйцах (видимо везла на коленях упаковку), еще не зная, что сейчас нахлынет боль от раздавленных ног. Я вижу перламутрово-розовые осколки, прорвавшие ткань юбки в районе колен. Мужчина на заднем сидении без сознания, очень нехорошо дышит и дрожит всем телом. Из «Волги» водитель уже выбрался из-за руля, баюкает руку и с ужасом осматривается. Пробегая мимо, силой усаживаю его на газон. В другом жигуленке похоже отделались парой ушибов и ссадин. Водила грузовика вяло машет рукой на вопрос «Где болит?», на голове рассечение почти во весь лоб, начинает медленно заливать лицо кровью. Приказываю ему сидеть на месте и снова спрыгиваю к смятому автомоби-

лю. Вокруг уже набежало народу, но никто не делает ни единого шага к машинам. Стоят и смотрят, ахают. Некоторые крестятся. Ору, чтобы вызывали скорые и обязательно говорили «69Р». Кто-то выскочил из толпы и побежал к телефону. Чую запах бензина. Доходит, что еще не все сделал, как надо. Сдергиваю крышку с горловины бензобака и пытаюсь открыть капот. Не получается, клинит. Хрипя от напряжения, пытаюсь вырвать его силой. Встретившись глазами с каким-то мужиком в толпе, кричу... Что кричу – не помню, но рядом оказываются несколько человек. Все вместе срываем капот. Сбрасываю клеммы с аккумулятора и буквально жёстами толкаю помощников сделать тоже самое со всеми машинами. Открываю дверь со стороны водителя и понимаю, что человек агонирует. В голове вмятина с мой кулак, видно разможенное вещество мозга. На голову обрушивается утробный крик его пассажирки. Который тут же прерывается благодатной потерей сознания. Шок. Максимально быстро ощупываю голову и шею. Вроде все цело. Задираю юбку. Кровищи море, но жутких алых фонтанчиков не вижу. С помощью добровольцев аккуратно вынимаем ее из машины. Один резиновый жгут у меня был в дипломате, второй навертели из какого-то ремня. Перетянули оба бедра. Слышу визг тормозов и периферическим зрением вижу мелькание знакомых халатов. По правилам медицины катастроф, оказавшийся первым на месте врач берет на себя обязанности сортировки и управления потоками раненых. Буквально

несколькими словами перебросившись с ребятами из следующей смены, растаскиваем по машинам всех пострадавших. С воем сирен они разлетаются во все стороны.

Постепенно доходит, что все – ты уже не нужен. Вокруг толпятся люди в штатском, милиция. Медленно отхожу в сторону, подбираю дипломат. Ловлю на себе взгляд какой-то женщины и выражение ужаса на ее лице. Медленно рассматриваю свои руки, по локоть покрытые черной коркой засохшей крови, пижонские светлые штаны, превращенные в нечто неопишечное, и понимаю, что так просто по городу идти нельзя. Забретаю в «Детский мир», как раз напротив перекрестка, и прошу у продавщиц возможности умыться. Вдруг становлюсь каким-то неловким и криворуким. Мыло несколько раз выскальзывает на пол. Не могу сообразить, как и чем соскоблить грязь с обуви. Девчонки охают и ахают, и пытаются задавать вопросы. Практически их не слышу, на голову как будто аквариум надели. Наконец, худо-бедно привожу себя в порядок и выползаю на улицу...

С момента аварии прошло не больше часа... или сутки... или вообще это все случилось в прошлой жизни?

Домой-домой-домой... Спать-спать-спать... Крепко-крепко...

Не подсказывая от прикосновения к плечу или далекой сирены «скорой»...

Сегодня один водила бил другого в курилке. Причина была. Но какая-то мутная, не до конца очевидная. Бил за то, что тот украл какую-то деталь из его личного «козлика-газика» и приспособил на свою «скорую». Примчавшийся Старший врач наорал на обоих, заставил вернуть все «взад» и пошел ругаться с хозяйственниками по поводу необходимой детали. Бригада участливо «полечила» своего битого водителя ваткой с йодом и пообещала к ближайшему празднику флакончик вкусной и полезной для здоровья микстуры от всех болезней. За проявленный энтузиазм, самоотверженность и милый коллективу идиотизм...

Весна, ручьи, птички, запахи, оттаявшее говно в самых невозможных местах... В целом, хорошее настроение и приятные гормональные всплески. Солнышко заботливо прогревает гипофиз. Женщины начинают послойно раздеваться и уже у мелькающих за окном машины прохожих угадываются, где талии, где грудь, ну и все-такое... остальное.

Провожу воспитательную работу перед выездом из гаража. Мы сегодня работаем с известным всей Станции «джигитом». Приходится каждый раз сдерживать его трудовой порыв и объяснять, что на высокую температуру или при транспортировке непрокакавшейся бабушки в больничку не следует лететь по тротуарам и песочницам, пугая неловких и

малопрыгучих прохожих ревом сирены. Тот, выкатывая свои армянские глаза, «мамой клянется» быть сдержанным и застенчивым, как чукотская школьница, и Дима-джан не будет краснеть за его поведение. Также с кровью вырвано обещание – петь задорные национальные песни за рулем только в отсутствии пациентов в машине. Уф-ф-ф... Дежурство будет нескучным. Парень-то золотой, но вот его кавказский темперамент иногда переходит все границы...

* * *

Забираю из дома роженицу с решительным оскалом на лице (не на моем, ясен перец!) – с таким выражением, наверное, первый раз с парашютом прыгают – и, подводя ее под ручку к машине, успеваю скрытно показать кулак водителю. Тот, скрестив руки на груди, закатывает глаза и убедительно трясет головой, показывая, что понял мою невысказанную просьбу. Ехал спокойно. Проникся настолько, что несколько раз за дорогу оборачивался поглядеть, удобно ли пациентке в салоне. При этом скорость не снижал и остальные машины игнорировал. Пару раз я сам чуть не родил...

* * *

Заехал на «конкретную малину». Пациент расписан как

иконостас, но смотрится это все как хохлома на старом танке. Язвенник со стажем. Нерациональное питание и ненормированный режим труда и отдыха способствовали, понимаешь ли... Упорно пытаюсь пробить окаменевшие узлы на месте вен в локтевом сгибе. Спокойно понаблюдав за моими попытками, пациент молча отбирает у меня шприц и с первого раза подкалывается, воткнув иглу себе куда-то между пальцев. У меня мороз по коже от его манипуляций...

– Студент?

– Студент.

– Учись, студент. Такое в школе не покажут. Чайку будешь?

– Спасибо. Рад бы, да времени нет.

– Ну да. Страдальцы всюду... Ты, доктор, в карточке-то лишнего ничего не пиши, ладно?

– А меня ничего, кроме вашего диагноза и состояния, не интересует.

– Вот и ладушки! Вася, проводи хорошего человека.

Оборачиваюсь и вздрагиваю. Я сам не мелкий, но, уперевшись глазами в пуговицу на груди Васи и осознав бесшумность, с которой возник у меня за спиной этот бульдозер, понимаю иллюзорность личной безопасности.

* * *

На Станции «удачно зашел» к операторам «03». По пово-

ду чьего-то дня рождения кроили торт, вот и мне достался кусочек ароматного бисквита. Стараясь продлить удовольствие, даже не стал чаем запивать. Кто-то аккуратно подергал за рукав. Оборачиваюсь – знакомый водитель, пару смен назад с ним ездили. На скорой новичок, но водила классный.

– Тут такое дело деликатное...

– Говори, чего случилось?

– Я сегодня с Мишкиным езжу...

– И чего?

– Он уже с вызова никакой вышел. Шатался, чушь какую-то молол, ругался... Приехали на Станцию, а он даже из машины не вылез. Как сидел, так и отрубился. Спит, храпит, слюни пускает. Чего делать то?!

– Странно. Вроде мужик справный, не алкаш.

– Да вообще, похоже, что не спирту, а какой-то дряни хлебнул. Не пахнет от него алкоголем! Чо я не знаю чтоль. Неудобно закладывать-то начальству. Посмотри, чего это он...

– Пойдем глянем, всякое бывает.

Доктор Мишкин сидел в центральном кресле салона, запрокинув голову, и хрипло дышал. Наклонившись над ним и щупая пульс на сонных, я увидел то, чего не хотелось бы, но предполагалось: отсутствие сознания, слабая реакция зрачков, бледность и обильный пот. Пульс частил. Внезапно он весь передернулся и появился запах мочи.

– «Шоков» сюда! Живо!!!

Частый топот вперемешку с матами заметался под сводами гаража. Ухватившись кое-как, перетаскиваю Мишкина на носилки. Не успел закатать ему рукав, как в машину с двух сторон полезли «шоки» и сочувствующие.

– Он что, диабетик?

– Да нет, никогда не жаловался...

– Манифестация похоже...

– Сразу в кому соскочил...

– Везите его в отделение, пусть дозу подбирают...

– Да, отъездился мужик, похоже...

– Вовремя прихватили?

– Вроде, да. Вон реагирует уже...

Перебросили носилки в машину «шоков» и, молча проводив взглядами выскользнувший из ворот РАФ, поднялись в холл. Грустно и муторно. Было ясно, что человек сломался не в одночасье. Работа доконала...

* * *

Почему-то, когда солдаты или офицеры, выполняя свой долг, бывают ранены – их награждают, чествуют, поддерживают хоть как-то. Почему скорпомощников, поймавших стрессовую «пулю» от перегрузки, сорвавших навсегда артериальное давление от бессонных ночей, уничтоживших диски в позвоночнике от переноски тяжелых пациентов в чудовищных условиях, загубившие желудки, сердца, почки, сосу-

ды, переломавших руки-ноги-позвоночники в протараненных лихачами «скорых», досадливо отставляют в сторону, редко и брезгливо назначив сиротские пенсии по инвалидности? Они на фронте каждое дежурство. И не только деньгами (а сколько это, кстати, стоит?) можно и нужно проявлять внимание и уважение к человеку, готовому и спасающему любого из нас от беды. Эй, люди! Не жалейте добрых слов, жестяных орденов и дешевых путевок в санаторий. Пусть, подыхая на работе, они хотя бы гордо улыбнутся: «Не зря! Меня вспомнят!»

* * *

Разразилась серьезная гроза. Молнии, гром, проливной дождь. Природа сердито отмывала зачумленный смогом Город. На удивление резко упало количество вызовов. Видимо свежесть и чистота воздуха уже помогали справиться кому-то с болячками. Возникла забавная ситуация. Диспетчер на рации несколько раз переспросив что-то, возмущенно разводит руками и, обернувшись к Старшему врачу, говорит:

– Медик-5-й дурака валяет! Я ему передаю адрес, а он утверждает, что на этом месте жилого дома нет! Как нет, если я на соседней улице живу и каждый угол там знаю!

– Переключи на меня! Медик 5-й, в чем дело?

В спикерфоне треск, похрустывание, скрип какой-то, гро-

за дает помехи... Наконец прорывается мужской голос:

– ...Ш-ш-ш... нет там дома!!! Не морочьте мне голову!
Стадион, потом большой перекресток и парк... хр-р-р-р...
крс-с-с-с... позови... ш-ш-ш-ш... его...

Старший начинает заводиться. Город он знает наизусть и указанный в вызове адрес для него понятен. Спрашивает у диспетчеров:

– Кто у нас сегодня Медик 5-й?

Внезапно повисает пауза. Диспетчер на рации тыкает пальцем в доктора, стоящего за стеклом и сосредоточенно записывающего в щель заполненные карты вызовов.

– Да вот же он. Доктор Алексеев.

– А я с кем разговариваю?!

– ?!

– Медик 5-й, кто в бригаде?

– ...Хр-р-р-р... ш-ш-ш... с-с-с-с... Доктор Гузун, а вы кто?!

– Простите, доктор, а вы в каком городе?

– ...?! Вы чего? Ш-ш-ш-ш...

– У вас как с погодой?

– Что за... с-с-с-с... гроза и дождь... ш-ш-ш-ш...

– Понятно. Атмосферные аномалии... Вас приветствует Центральная станция скорой помощи Города. Старший врач Бобович.

– ...Ш-ш-ш-ш... Ха! Здорово! Кишинев на связи! Привет коллегам из Сибири!

Потом, знающие люди разъяснили, что в грозу, в атмосфере, иногда возникают такие необъяснимые «коридоры», по которым даже сравнительно маломощные радиостанции внезапно пробиваются на огромные расстояния. Совпадение, конечно, было редкое: и в позывных и в адресе...

* * *

Специализированные неврологические бригады часто попадают на вызовы к психически ненормальным людям. Почему-то стесняясь назвать истинную причину, люди начинают говорить о головной боли, нервном срыве, утрате сознания и тому подобном. Едет невропатолог. Иногда и один, без помощника, всякое бывает.

Вот и сейчас. Диспетчер жестом привлекает внимание Старшего врача и включает громкую связь.

– Здравствуйте, у телефона доктор Бартеев. Я говорю с космодрома на улице Фадеева, 18. У нас тут затруднения с пуском ракетносителя к Альфе-Центавра. Космонавт и провожающие волнуются. Нельзя ли пригласить к нам на консультацию Главного конструктора всех ракет, генерала Коваленко с группой экспертов, если можно?

– Можно, можно, у нас все можно.

По внутренней связи на Станции звучит: «Доктор Коваленко, у вас срочный вызов! Бартеев на себя вызывает...» Кодировка вызова обозначает, что предполагается встреча с

психически больным человеком в состоянии возбуждения. Обычно на такие вызовы идут, сняв халаты, чтобы не провоцировать агрессию, и заранее заготовив «вязки» и шприц-тюбики с антипсихотиками на всякий пожарный случай. Ребята в психбригаде крупненькие, спокойные, даже слегка меланхоличные, с философским отношением к жизни и событиям в ней. Они не моргнув выслушают как концепцию захвата вселенной, так и обвинение в людоедстве, и без единого лишнего слова помогут оратору переместиться сначала в машинку, а потом и в лечебницу. Хотя казусы, конечно, были. Однажды попутали адрес, а ошибку выяснили уже в машине. Когда запеленутый клиент обрел дар речи и внятно, хотя и матом, объяснил разницу в адресе между «корпусом 1» и «корпусом 2». Свою бессвязную речь и неадекватную реакцию на троих нехилых мужиков, которые в первом часу ночи, вежливо позвонив в дверь, «втекли» в прихожую, а затем профессионально зафиксировали начавшего орать и плевать мужичка в трусах в горошек, неудавшийся пациент даже объяснять не стал. Откупились от скандала литром спирта.

* * *

Кто-то притащил четыре килограмма кофе в зернах. Зеленого, нежареного. Где взяли и почему в таком виде – не вникали. Делили как воду в пустыне. Кофе на скорой – на-

* * *

На окраине города в аварию попали доктор и водитель. РАФ, уворачиваясь от обгоняющего идиота, влетел в бетонную стену. Обоим перебило ноги и зажало в обломках. Водитель еще и грудной клеткой о руль сильно ударился. Видя, что тот «зашелся» от болевого шока, раненый доктор вколол ему морфин (укладка с наркотиками всегда при себе, не в сумке). Морфин был в «полевой» упаковке (шприц-тюбик). На себя не хватило. Пока дождались помощи, пока вытаскивали из обломков, доктор умер. Острый инфаркт от болевого шока...

* * *

Стал невольным свидетелем разборок между мужем одной из наших медсестер и целой бригадой. Ревнивец прибрел на Станцию и дико орал, обвиняя жену в сексуальных связях со всей бригадой, Станцией и мужской половиной городского населения. Как выяснилось, бил ее после каждого дежурства. Молчала от стыда. Козел получил от санитаря «двойку» (левой – прямой в печень, правой – хук в челюсть) и обещание яйца оторвать, если еще хоть раз руки распустит.

Убили рыдания женщины: «Не бейте его! Он хороший...»

* * *

У одной из наших докториц кто-то на Станции украл в день зарплаты все деньги. Кто – так и не нашли. Тетку успокоили кое-как и через пару часов, без громких лозунгов и усилий, собрали по принципу «кто сколько может» всю сумму. Уговорили, чтобы взяла. Потому что не хотелось, чтобы думала на каждого...

* * *

У соседки, пожилой женщины, случилась остановка сердца на фоне нарушений ритма. Муж прибежал босиком из соседнего подъезда. Очень хорошо «завелась» на массаже. Все без последствий. Искренне благодарят и приветствуют при каждой встрече, а до этого ворчали, что скорая, иногда подвозя и забирая меня с ужина, разворачивается прямо под их окнами на первом этаже...

* * *

Иногда мы болеем, и боль наша затмевает разум. Иногда мы здоровы, но помним лишь то, что удобно помнить.

Мы счастливы и несчастны. Мы дороги сами себе и, иногда, близким. Мы *выживаем*, а хотелось бы *жить*. И у нас всегда есть шанс, набрав знакомый номер, услышать через несколько томительных и бесконечных минут: «Здравствуйте, скорую вызывали?..»

Много это или мало – знать, что помогут?

Насколько легко были написаны предыдущие части, настолько же мучительно приходило решение написать *эту* часть...

Я долго вел сам с собой спор о необходимости выкладывать прожитое в полном объеме, на суд, а для кого-то и потеху. Может не стоит? Слышите меня? Вы!!! Те, кто читает эти строки! Может, уже стоит отвернуться? Вам же привычно отворачиваться от грязи, боли, страданий, ужаса неизбежных исходов... Оставайтесь в своем мире. Он не так уж плох.

Заглянув в *эту* реальность, вы уже никогда не будете прежними. Предупреждаю по-честному на берегу.

У меня нет цели специально ткнуть читателя в страшное, омерзительное и невозможное, но сущее, чему пришлось быть свидетелем или участником. Но это невыдуманные истории, а потому, имеющие право на память...

Каждый из эпизодов заставлял меня снова и снова задавать самому себе вопросы: «Что такое человек?», «Человек ли я сам?».

Каждый из эпизодов был экзаменом на право не стать безумным в безумном мире.

Подпрыгивая вместе с машиной на колдобинах, пытаюсь прочитать конспекты лекций. Препод вреднючий, спрашивает только по своим лекциям. «Мания величия, б...ха муха!» Ведь то же самое написано и в учебнике, но его личная интерпретация в устах студента самолюбию намного слаще.

Вот и адрес. Слава ЖЭКу, лифт работает. Уже в кабинке лифта приглядываюсь к кодировке вызова. Уныло констатирую: «Все ясно! Что ни хрена не ясно. Под этот код можно все, что угодно запихать...» В дверях встречает коренастый мужичок с цепким взглядом из-под мохнатых бровей. Офицерская гимнастерка без погон. Протягивает руку. Странно, но даже приятно. Далеко не каждый так встречает.

— Больная там, в спальне. Я подожду на кухне. Что нужно будет — скажите.

В квартире чисто, прибрано, но не «живо». Такое ощущение, что все разложено по местам декоратором, а не жильцом. В спальне нахожу лежащую женщину лет пятидесяти пяти, скромной комплекции. Короткую прическу выделяют абсолютно седые виски и россыпь «иней» по всей голове. На прикроватной тумбочке чисто. Обычно удастся по набору «аптеки» в изголовье определить, с чем сталкиваешься. Не в этом случае. Перевожу взгляд на женщину и поражаюсь абсолютно небесной голубизне ее глаз. Несколько секунд раз-

глядываем друг друга.

– Я – врач. Со скорой. Чем порадуете, Елена Степановна? (Ее имя мне вдогонку сообщил встречающий.)

– Вы такой молодой...

– Возраст не главное. Что с вами случилось? Что беспокоит?

– Это Гриша запаниковал... я... у меня случается теперь... теряю сознание.

– ...?

– У меня опухоль мозга, доктор. Оперировать невозможно. Что-то очень злое и в недоступном уголке. Очень быстро растет. У меня ничего не болит. Я просто не чувствую ног и периодически пропадает зрение... Есть выписка из госпиталя, вот тут в ящичке... Мне совсем немного осталось. А муж всё не может понять и поверить. Он у меня военный, генерал. Привык, что всё может подчиняться его приказам. Ведь ничего не изменилось. Я – все та же. Я просто сильно устала...

– Чем я могу вам помочь сейчас?

– Поговорите с мужем, пожалуйста. Откровенно, по-мужски... Наши врачи его боятся и не говорят всей правды... А мне он не хочет поверить. Сам мучается и меня мучает.

– Попробую...

Нужно ли это врачу скорой? Входит ли в его прямые обязанности?

...На кухонном столе стояла бутылка «Посольской», банка с маринованными огурцами, нарубленная на куски колбаса и неровно нарезанный батон. Среди всего этого великолепия выделялись матовым блеском «макаров» и покрытая бисерным потом лысина крупной головы, лежащая на кулаках...

Не нужно было много времени, чтобы объяснить человеку очевидное. Несмотря на налившиеся мгновенно кровью глаза и неизвестно откуда появившийся пистолет. Было очень страшно. Смотреть в полыхнувшие безумием глаза и извлекать из пересохшего горла убедительные интонации. Видно, уже пришло время осознания, и мужчина наконец принял жестокую правду.

Очень тяжело и больно утешать плачущих мужчин. Настоящих мужчин. Слезы которых дорогого стоят. Он пил водку как воду и не отрывал взгляда от пистолета. А я почти шептал. Что – уже не помню... Что-то о жизни и смерти, о любви и расставании, о счастье и печали... Наконец, ухватив последнюю фразу о том, что «ей немного осталось, но пусть каждый ее день будет счастливым», он выпрямился, остервенело протер глаза обеими руками и выдавил через силу: «Спасибо. Мне никто не рассказывал всего. Это жутко. Но мы справимся...»

Я сидел в машине опустошенный и смотрел в карту вызова. Что-то следует написать. Диагноз. Статус. Симптомы. Лечение. Исход.

Кому я сейчас оказывал помощь? Кого и от чего спасал?
И почему так пусто на сердце?

* * *

Вызывали на высокую температуру у ребенка. Дверь открыла озабоченная мамаша. Папенька, подтянув сползающие спортивные штаны, вежливо поздоровался и удалился на кухню. Прохожу в комнату. На кровати сидит десятилетний мальчишка, шея замотана шарфом. Бросилась в глаза выраженная бледность и одутловатость лица.

– Чем порадуешь, боец?

– Шея болит и голова.

– Ну показывай. Шарф разматываем?

Осторожно снимаю шарф. Вначале мне кажется, что я вижу дурной сон. От плеча до уха мальчишки колыхнется, отливая перламутром растянутой кожи, огромный пузырь. На его верхушке красуется приклеенный перцовый пластырь. Молча поворачиваюсь к мамаше... Та начинает что-то невнятно лепетать о том, что «вчера утром был такой маленький прыщик... я ему сказала, чтобы наклеил пластырь, а он вот видать наклеил перцовый... а я не видела, не знала... а он шарфом замотался, я и не видела, ой, мамочки!.. а что это такое, а?...»

– ...твою душу...!!!!!!

На мой вопль, теряя тапки, вылетает из кухни отец семей-

ства. В секунду разобравшись в ситуации, свирепо пошел на жену, запихивая ее животом в спальню. Я уже звоню в приемное отделение ближайшей больницы. Объясняю ситуацию. Как хрустальную вазу выносим мальчишку на носилках. Если флегмона прорвется не наружу, а внутрь – конец!

Осторожненько довели, вовремя прооперировали. Литргной. Шрам длиной в двадцать сантиметров. Два с половиной месяца в больнице. Антибиотиками наглухо «посаженный» иммунитет и пищеварение. Цена родительской глупости и безразличия.

* * *

На сей раз в частный сектор скорую вызвали менты. Просили поторопиться. Торопились. Обычно они весьма флегматично относятся к кризисным ситуациям и уж если их проняло, то... Ехали со всей «дискотекой». Сирена, ревун, мигалка.

Мужик увлекался охотой. Решил перетрясти свою амуницию. Патроны набивал сам. Видимо в его закромах были не только банальные порох и капсули. Что-то там рвануло. И рвануло в руках. И надо же было такому случиться, что как раз к нему «гости дорогие» во двор заходили. Милиция с понятыми (кто-то настучал, что мужик браконьерит не подетски). Услышав взрыв и стрельбу (а это капсули рваться стали), все залегли и готовы были открыть ответный огонь.

Из амбара вывалился персонаж кино про зомби. Вместо рук до локтей развороченные во все стороны обрывки и обломки, вместо лица – обожженная куча фарша из которой висит глаз «на ниточке». Как доверительно мне признался один из ментов: «Если бы кто-то обосрался от ужаса, остальные бы это поняли». Страшнее всего было то, что этот инфернальный кошмар продолжал быть живым человеком и упрямо не хотел терять сознание. Он сидел на лавочке у амбара, раскачиваясь всем туловищем и издавал мычащее-хрипящие звуки. Руки ему перетянули жгутами милиционеры, что делать с лицом никто не знал. Все было залито кровью.

Ввели наркотики, подкололись на ноге с капельницей, лицо обложили стерильными салфетками. Не снимая жгутов, рыхло обмотали всю эту кашу на месте рук стерильными бинтами. Попробовали уложить на носилки – стал захлебываться кровью. Так в сидячем положении на чистом адреналине и приволокли его в БСМП (больница скорой медицинской помощи).

Когда мне попадает очередной фильм, в котором режиссеру кажется верхом искусство размазать по съемочной площадке ведро кетчупа, я невольно вспоминаю эту историю. И становится брезгливо от дешевых потуг деятелей киноискусства напугать зрителей. Не смерть киношная страшна – жизнь.

Такого адреса на листочке вызовов я еще не видел. Вопросов добавил еще Старший врач смены. Стоя у «аквариума», он мямлял в пальцах незажженную сигарету. Очень серьезным взглядом, без привычного прищура и ехидства, он проводил путь клочка дешевенькой бумаги от диспетчера под зажим на моей папке.

— Извини, что нарушаю очередность. Вызов срочный. Но «шоки» заняты, а... — Тут он выдал нечто совершенно невообразимое. — А там... это... в общем увидишь сам. Баб я туда послать не могу!

Я проглотил возмущение и молчком потопал в гараж.

«Городская свалка. Южный сектор. Там встретят». Выпущенные глаза водителя тоже энтузиазма не добавили. Ехали молча. Только подъезжая к «адресу», когда «уютный летний бриз», напоенный ароматами летней кучи мусора, достиг в полной мере нашего обоняния, водила обреченно выдал что-то об анатомических особенностях жителей города.

Нас встречали. Двое работяг в немыслимого цвета робах и водитель мусоровоза, молча дымили ядреной махоркой. Где-то сзади квакнула сирена милицейского уазика. «Джентльменский клуб» в сборе. Выездное заседание номер «милльен тысяч пятьсот первое» торжественно объявляется открытым. Белый халат третьей свежести смотрелся нереаль-

но чисто и неуместно в королевстве помоев и хлама. На какое-то время постарался отвлечься, разглядывая довольных жизнью ворон и удерживая силой воли на месте сожранный недавно бутерброд.

– Чем порадуете, компрачикосы?

Один из работяг, все также молча, показал рукой куда-то в сторону.

Неподалеку, в груде пестрого мусора, лежала здоровенная грязная псина. «Совсем охренели!!! Для собаки вызвали. Нашли ветеринара... доктор Айболит, мля...»

Тут до меня доходит, что все продолжают молчать. Как-то очень странно. Напряженно. Делаю несколько шагов по направлению к собаке. На грязно-серой морде появляется ослепительно-белая полоска зубов и раздается низкое утробное рычание. Но это меня уже не занимает. Я смотрю и с трудом удерживаю рвущийся изнутри вопль: между собачьими лапами, у поджатого брюха с оттянутыми сосцами, лежит человеческий младенец. Новорожденный. Живой. Он не плачет, только беззвучно раскрывает рот. Слабо шевелит голубоватого оттенка ручками, с судорожно сжатыми побелевшими кулачками. Он закопан в мусор до половины тела. Точнее, видимо раскопан. Собакой. Щенной сукой. Которая лежит сейчас рядом, согревая ребенка своим тощим телом. Периодически вздрагивая и нервно облизывая его лицо, когда он вновь открывает рот. Эти кадры втыкаются мне в голову раскаленными гвоздями.

Сзади громко топая и сопя, появляются два милиционера. Один, увидев всю картину, багровеет лицом и начинает царапать кобуру, судорожно хватая ртом воздух.

– Она его что, ест?!! Да я ее сейчас!!!

– Подожди! Она ж его не трогает, вон смотри, наоборот. Гreet!

Я приближаюсь и присаживаюсь на корточки. Не хочется орать, не хочется кидаться чем-то в собаку. Нужно забрать ребенка. Но как доказать собаке, как убедить ее, что я, человек, не наврежу этому детенышу. Как ей поверить тварям, что закапывают своих детей в помойку? Живыми...

Презрение. Ярость. Жалость. Скорбь. Вот, что я увидел в карих собачьих глазах.

По-крабьи, боком приближаюсь к ребенку. Краем глаза держу в поле зрения задние лапы собаки. Если подожмет для прыжка, хоть успею прикрыть лицо или увернуться. Протягиваю руку к ребенку. Ворчание нарастает. Продолжая глухо рычать, собака морщит нос, показывая мне ослепительный частокол молодых клыков, и кладет свою голову на ребенка. Накрывая его и оберегая от прикосновения. Я медленно начинаю разгребать мусор вокруг тельца. Низкое рычание сопровождает все мои манипуляции. Так, наверное, работают саперы, обезвреживая мины. Собака глаз не сводит с моих рук. Не могу проглотить ком, возникший в горле.

– Собачка! Собачка, на-на-на, милая... На, возьми!..

В какую-то мятую плоску водитель мусоровоза льет из

термоса молоко. Очередное чудо.

Словно извиняясь перед остальными, поясняет:

– Язва у меня. Вот жинка термосок и снаряжает.

Собака вскидывает голову, почуяв угощение, и внезапно шумно сглатывает набежавшую слюну.

– Иди собачка! Иди, моя хорошая, иди, попей молочка...

Еще раз, внимательно проследив за моими плавными движениями, собака встала. Глухо рыкнула, предупреждая. И, прихрамывая, подошла к миске с молоком. Только сейчас стало видно насколько она худая и изможденная. Инородными телами болтались под втянутым брюхом наполненные соски.

– Щенки у ней видать где-то рядом. Вишь, титьки-то от молока трещат, а сама тощая, как скелет...

Собака жадно хватала молоко, не отводя глаз от меня и младенца. Достаточно было несколько движений, чтобы полностью выкопать ребенка из мусора. Взяв его на руки, я поднялся с колен. Ко мне уже спешил водитель с простыней. Ребенок жив. Обезвожен. Голоден. Но видимых повреждений нет. От роду ему максимум несколько часов. Снова ловлю на себе собачий взгляд. Встречаемся глазами. «Все будет хорошо», – шепчу я себе под нос. В ответ вижу еле заметное движение повисшего хвоста. Ловлю себя на том, что хочется попросить у псины прощения.

– Доктор, вы куда ребенка повезете?

– В шестую ДКБ.

– Мы потом туда заедем, протокол подписать.

Старший милиционер, сняв фуражку, вытирает от пота лицо и внезапно, скрипнув зубами, выдает:

– Найти бы эту су..., извините, мразь! Которая ребенка... ну понимаете!.. И грохнуть на этой помойке...

Дослушиваю эту свирепую тираду уже в машине. Водитель аккуратно закрывает за мной дверь, обегает РАФ и плавно трогается с места.

Мы едем по городу. Быстро. Молча. Остервенело удерживая в узде эмоции. Не хочется говорить. Хочется орать до немоты и биться головой. «Так нельзя!!! Это невозможно!!! Люди так не должны поступать, если они еще люди...»

Осторожно вылезаю из машины и быстро прохожу в приемный покой, улавливая на себе удивленные взгляды. Я еще не сказал ни слова, но ко мне обернулись все присутствующие. Тут до меня доходит, как я выгляжу и чем пахну.

– Вы из какой помойки вылезли?! В таком виде и в приемное детской больницы?! Вы что себе позволяете?!!!

Неопределенного возраста медсестра, продолжая накручивать себя визгливыми воплями, начинает извлекать себя из-за стола. На ее крики выглядывает из смежной комнаты врач. Видит меня, меняется в лице и тут же понимает, что на руках у меня ребенок. Подскакивает, перехватывает. Мгновенно рядом возникает вихрь халатов. Все.

Еле перебирая ногами, выползаю на крыльцо. Едем на Станцию. Переодеться, помыться, написать карточку вызо-

ва.

Забыть бы такое. Навсегда. Да не получается...

– Господи, прости меня, дуру грешную!!! Возьми меня, Господи!.. Оставь маленького!!! Господи... – захлебываясь слезами и словами, вся перемазанная кровью, билась раненой птицей перед картонной иконкой «бабка». Женщине было чуть за сорок, но так уж сложилось. И сама родила рано и дочка особо не ждала. И вот беда пришла...

С вечера, почти годовалый внучок закапризничал, слегка засопливил. Температуру бдительные родители померили, но было как-то несерьезно, около 37,5. Ничего угрожающего и подозрительного. Поохали, покачали на руках, попробовали утешить да развеселить. Ребенок особо не реагировал на веселушки, отворачивался да все прикладывался головкой на родительское плечо. Вялый был какой-то. С тем и улеглись спать. Рано утром молодые занялись по хозяйству (дом был частный и забот хватало). А бабушка приняла на себя ребенка. Видимо женская, материнская интуиция наконец забила тревогу. Какой-то мальчонка – «не такой», странный. С повышенной температурой дети летают по дому, только лови. Еще больше возбуждаются, всё и всех на уши поставить могут. А этот тряпочкой висит на руках и еле-еле отвечает на подначки да прибаутки. Наконец, бабкина подозрительность победила, и она послала зятя вызвать доктора домой. Парень почувствовал тещину тревогу и, вы-

звывая скорую по телефону-автомату, не сомневаясь, заявил, что у ребенка высокая температура. И полетел листок с кодом вызова из рук оператора «03» по конвейеру к диспетчерам...

– Температура с утра пораньше. Не могли чтоль в поликлинику позвонить?

– Дык из поликлиник доктор придет только после обеда, да и то, смотря сколько вызовов ему напишут. Ладно, чего уж там. Глянем, полечим...

– Не люблю я этот частный сектор! Народ золу из печек на дорогу выбрасывает, а топит всякой фигней. Вот и приходится из колес потом «жареные» гвозди или какие другие загогулины вытаскивать...

Так, мирно болтая, мы пробираемся в лабиринте улиц из частных домов. Заборы, дома, ворота, редкие палисадники. Какие побогаче, какие вообще разваливаются. Дежурный собачий брѐх сопровождает наш РАФ. На улице ранняя осень, относительно тепло и сухо. Пахнет горечью редких костров с ветками и опадающей листвой. Еще нет грязи и слякоти, но дожди уже становятся чаще и продолжительней.

Вот и нужный адрес. У калитки переминается молодой парень. Хочет взять у меня из рук дипломат. Говорит, что он – отец ребенка и пытается что-то рассказать. Бдительно оглядываюсь – от дворовых полканов уже на забор запрыгивать приходилось. Нет, все в порядке. Большая будка в углу двора

конечно нервно бухтит, погавкивает и стучит когтями, но закрыта на добротную щеколду. Дом большой, чистый, опрятный. Прохожу в горницу. Меня встречает женщина постарше с ребенком на руках и совсем молоденькая девушка с бутылочкой и пеленкой. Ребенок, положив головку на плечо бабушке, дремлет. Пока, брякая ручомойником, мою руки, женщины наперебой рассказывают, что и как было, когда насморк появился, когда температура, когда вырвало, что давали, ну и так далее...

– Ну давайте посмотрим, чего у нас там приключилось.

Забираю ребенка у женщины и прошу постелить на стол одеялко. Действительно, мальчишка какой-то вялый, не сопротивляется, не плачет, не пытается меня рассмотреть, висит в руках тряпочкой, запрокинув голову. Глаза закрыты и ясно виден сосудистый рисунок на веках. Слишком бледен. Укладываю и начинаю аккуратно раздевать. В комнате темновато.

– Отодвиньте шторы и откройте ставни на окнах. Света больше надо!

Дальше события начинают разворачиваться со скоростью взбесившегося кинопроектора...

Ребенок, протестуя против раздевания, хнычет и, наконец, открывает глаза. Внешний угол правого глаза, практически половина глазного яблока залита кровью под склерой. Точечные кровоизлияния на левом глазном яблоке. Торопясь, стаскиваю с него маечку. Под левой ключицей две со-

судистые «звездочки». Прямо на моих глазах, на груди появляются еще две. Такое чувство, что мне в живот сыпанули крупных осколков льда. В голове мгновенная паника, хаос и поверх всего горят вбитые терпеливыми педагогами пара диагнозов с подобной симптоматикой. Прыгаю к своему чемоданчику. В уголке, почти забытая укладка-коробочка, а в ней преднизолон, левомецетин, пара одноразовых шприцов. «Менингококковая укладка», будь она неладна и навсегда забыта! Странное состояние – в голове сухо и холодно. Движения предельно точны и координированы. Расчет дозы мгновенный. Уколы сделаны максимально быстро. «Что теперь?! Шоков вызвать!!!» На фоне всего этого где-то в сознании сидит в углу перепуганный до предела человек и беззвучно орет от ужаса. Оборачиваюсь, и тут до меня доходит, что за все это время я не сказал ни слова, и вся семья стоит рядом и обалдело наблюдает за моими манипуляциями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.